

Виктория Прохоренко

shahv@list.ru

Две повести для среднего школьного возраста

Контрольная работа

Повесть

Основано на реальных событиях. Персонажи, обстановка и обстоятельства изменены до неузнаваемости. Если найдете совпадения, то считайте это просто счастливой случайностью. Передаю всем привет!

Посвящается подросткам, которые скоро станут взрослыми и взрослым, которые недавно были подростками.

ПОНЕДЕЛЬНИК

1.

– Ну, давай же, давай мой хорошенький!

Если бы сейчас вы заглянули ко мне в квартиру, то увидели бы меня, сидящей на полу и разговаривающей вслух со своим сапогом, который не желал расстегиваться. Собачка на молнии заела, ни туда и ни сюда, а я как журналист, вместо того, чтобы быстрее решить возникшую проблему, задумалась над этим выражением «собачка на молнии заела...».

Объясни такое иностранцу.

– Ты же служил мне два года! Исправно, как солдат. Зачем сейчас меня так подставляешь? Мне надо срочно расшифровать интервью. Давай же! Давай, сапожок! Сапог поддался уговорам, замок расстегнулся, выпустив мою ногу на свободу.

Я вскочила, включила компьютер и диктофон. Но кроме шипения не раздалось ни одного членораздельного звука. Приложила к уху. Шумит, гудит, щелкает. Что делать-то?!

Понажимала на все кнопки – бесполезно. Редактор завтра строго спросит – это же материал в номер! Ой-ой-ой, у меня потихоньку начиналась паника. Это неприятное

чувство, как в школе, когда ты выполнил задание, но тетрадь забыл дома. А потом, попробуй, докажи это. Нет, тебе поставят единицу и пристыдят за то, что врешь.

Зазвонил телефон. В трубке раздался звенящий голос Аллы:

– Я, надеюсь, ты усердно работаешь?

– Эээ...ну...

– Можешь оставить это дело, как несрочное. На следующей неделе сдашь. У меня есть задание поинтереснее.

Я вздохнула. Вот так всегда! Редактор у нас – женщина-сюрприз, никогда не знаешь, что она придумает на этот раз. Может, поэтому у нашего журнала высокий рейтинг?

– В общем, сейчас быстро все бросаешь и идешь собираться. У тебя важная встреча.

– С кем?

– С директором школы...

– С кем!?

– Валь, ты что, плохо слышишь? С директором школы. У тебя на сборы ровно полчаса. Оденься скромно, сними макияж, так чтобы была похожа на школьницу.

Хи-хи! На школьницу?

– Ничего не понимаю...

– Все просто. Мы решили сделать материал о том, как меняется поколение. Вроде как назад в детство. Из всей редакции под засланного казачка можешь только ты пройти.

Поэтому вперед.

– Я? В свои двадцать три?

– Да! Мы посоветовались с коллегами. Если тебя переодеть, перепричесать и немного поработать над историей, то вполне прокатишь под школьницу. Твоя задача – продержаться три дня и потом об этом написать убойную статью.

– Алла, ну я же замужняя женщина, взрослый человек, со своими взглядами и убеждениями, что я там буду делать?

– Наблюдать, собирать информацию, в общем, все как всегда. В первую очередь ты – журналист. Отнесись к этому редакционному заданию без лишних эмоций.

– А вы действительно считаете, что это интересно?

– Почему бы и нет? Дети всегда хотят быстрее вырасти, или хотя бы заглянуть в жизнь взрослых. У нас выйдет наоборот.

– Не знаю...

– Материал пойдет в рубрику «Взгляд со стороны». Тема: Современные подростки – зависимость от гаджетов и телефонов. Роль современных устройств в жизни подрастающего поколения. Тебе нужно провести что-то вроде исследования. Но материал должен быть легким и интересным в изложении. В общем, изловчись.

– Насколько это актуально? Мы сейчас все с телефонами, айфонами, читалками и прочим.

– Весьма актуально. Британские ученые проводили эксперименты, в ряде которых выяснилось что у детей быстро развивается высокая степень зависимости, в то время как взрослый может сам себя контролировать.

– Ммм...

– И вообще, мои приказы не обсуждаются. Записывай адрес и телефоны.

Долго вертела в руках розовую кофту с капюшоном, голубую дутую жилетку и тяжелые горные ботинки – это мой набор для поездок на природу. Чем ни тинэйджер? Или нет? Я подошла к зеркалу и попыталась посмотреть критично: прокатит – не прокатит? В принципе, размер у меня остался как в школе. Гардероб, конечно, сменился с тех времен полностью, но осталось несколько любимых вещей. Например, мой желтый вязаный свитер, точно в пору. Никогда наверно с ним не расстанусь, буду бабушкой в желтом. Волосы у меня длинные, некрашенные, темно-русые. Брови без татуажа. Особых примет не имею. В школе меня звали куколкой, потому что у меня мелкие черты лица – тот вариант, когда губки-бантиком, носик-пуговкой. Большие у меня только глаза, и ресницы, пушистые. Так что я даже их не крашу почти. Только по праздникам, да и то, если интервью нужно взять у какой-нибудь важной персоны или на презентацию. Вот тогда я делаю полноценный мейк-ап, а то и не пустят охранники, бывало такое: скажут, девочка, ты не заблудилась? Два раза возникали проблемы с входом в ночной клуб, несмотря на то, что я была с мужем и кучей друзей. Остановили меня одну и потребовали документы, а их у меня с собой не оказалось, впрочем, как и прав на машину. Пришлось нам вместо танцев идти петь в караоке. Так что удостоверение личности и журналистское удостоверение у меня всегда с собой. На всякий пожарный.

2.

В назначенное время я была в школе № 121.

Директор внимательно осмотрела меня с ног до головы. Под таким сканирующим взглядом можно растеряться. Но мне-то чего? Подумаешь, три дня в школе. Я журналистка, профессионал – умею держать свои эмоции под контролем.

– Ничего, я думаю, сойдет. Определю тебя в 10 «Б», класс спокойный, относительно дружный.

– А почему десятый?

– Одиннадцатиклассники загружены подготовкой к ЕГЭ. Тебе самой там трудно будет, да и учителя не удивятся, перед экзаменом – новенькая!

– Ясно...

– Я решила пойти вашей редакции и Алле навстречу, потому что она моя хорошая знакомая, но ты меня не подведи. Старшеклассникам сейчас не до шуточек, у них экзамены на носу, поэтому полегче – без скандалов и интриг. Короткое не надевать, разговаривать поменьше, побольше улыбаться. Да... – она строго на меня посмотрела, кольцо сними. В дверь постучали. В кабинет завалились трое парней.

– Ирина Викторовна! Химичка заболела. Можно мы на физ-ру пойдем сдвоенным классом? – закричал рыженький парень.

Я вздрогнула.

Директор сказала:

– Тише! Не ори ты так! Если учитель не против, идите, только всем классом, чтобы по школе никто не болтался.

Они дружно закивали.

– Стоп! Скажите мне ребята, вот эта девочка как выдумаете из какого класса? Парни уставились на меня. Руки похолодели. В правой я крепко сжимаю обручальное кольцо. Моргаю и стараюсь не смотреть на них в упор – что за глупое задание? Я уже сомневаюсь, что хочу строить из себя школьницу. Может, надо бежать, пока не поздно?

Рыженький прищурился:

– Мне кажется, она уже школу закончила.

– Все свободны! – строго сказала директор.

Я посмотрела на нее:

– Провалилась?

– Ну...надо поработать над легендой, одеться как все. У нас тут тоже знаешь, такие девочки есть, что ого-го! Только дети наши очень внимательные, их не так просто провести.

– Ох!

– Только у меня к тебе просьба есть. Раз уж ты с ребятами будешь общаться, разведай, пожалуйста, обстановку. Что-то у них творится не то, никак не могу до сути докопаться. Какие-то разногласия у девчонок. Расскажешь потом.

– Хорошо!

– Ну, все! Расписание спишешь внизу. Встречу тебя без пяти восемь в фойе.

Без пяти восемь? Это во сколько же надо встать?

По дороге заехала к маме, поменяться телефонами. Я взяла ее – попроще, а то мой, последней модели, может вызвать подозрения, и отправилась домой. Насупившийся муж, вместо привычного на ужин супа, молча ел яичницу. Надо его будут чем-нибудь эдаким побаловать после окончания этого рабочего эксперимента над моей психикой. Спеку ему торт трехэтажный, с разными слоями. Он у меня сладкоежка. Мне пришлось перерыть весь шкаф, чтобы найти что-то смаживающее на форму. Нашла синюю юбку, коротковата, но пойдет. Ирина Викторовна обещала выдать завтра настоящую форму. Легла спать с таким ворохом мыслей в голове, что заснуть удалось не сразу. Зато родились кое-какие идеи, как выстроить статью.

ВТОРНИК

1.

Будильник взорвал утреннюю тишину, как не вовремя сработавшая сигнализация чужой машины. За окном было темно, шел дождь, громко тарабаня по стеклу. Вот бы еще поваляться! Еле вытащив себя из кровати, я поплелась на кухню варить кофе. Все-таки приятнее просыпаться по своему желанию – хорошо, что на работе у меня свободный график. Я уже забыла как это – ставать каждый день ни свет, ни заря и шлепать в школу, ни смотря на погодные условия, которые, например, сегодня, не самые благоприятные. Ветер, переменная облачность, возможны осадки – металлическим голосом сообщило радио.

Вот еще задача – заплести косу, пальцы и волосы совершенно не слушаются.

Утерянный навык. Еще бы резинку для волос найти второпях – вчера об этом не подумала.

Для полноты эксперимента я решила поехать на автобусе, чтобы было о чем писать в статье. Алла же хочет, чтобы все было по-настоящему. Через десять минут ожидания я подумала, что идея не совсем удачная. Опаздываю.

Когда я уже потеряла всякую надежду, подъехал битком набитый желтопузый автобус. Кажется, еще чуть-чуть и он разойдется по швам, лопнет с хлопком и все пассажиры разлетятся как конфетти. Разве возможно туда еще кому-нибудь втиснуться? Сзади меня подхватывает волна пассажиров, и я оказываюсь внутри.

– Девочка, передай за проезд! – мне по плечу постучал бородастый мужчина. «Девочка!» – улыбнулась я. Значит, похожа на школьницу. Это хороший знак. Передала. А сама стала внимательно разглядывать рядом стоящих школьников – пора начинать собирать факты. Рядом со мной девочка старшеклассница в наушниках слушает музыку. Мальчишка, обхватив локтем поручень, играет в игру, еще один – переписывается в мессенджере. Это те, кого мне видно. Да, все с гаджетами, ни одного – с книжкой. Диким визгом звенел звонок, а я только подбегала к школе. Черт, зонт не закрывается! Охранник недобро косится на меня.

– Будешь долго возиться – не пушу! Где твой проходной билет?

– Лучше бы помогли, – огрызаюсь я. Ой, дети так наверно, не разговаривают. Или, подростки разговаривают? Или похлеще? Он ворчит что-то, но закрывает мой зонт.

Я влетаю в фойе, мокрая, взлохмаченная и взволнованная. Дети визжат так, что у меня в ушах начинает звенеть. Гомон в школе стоит просто дикий, вот недавно писала статью о том, что шумовой фон очень сильно влияет на нервное состояние человека и одна из опасных профессий это учитель, а в школе больше всего страдает учитель физкультуры. Уж в спортивном зале себя никто не сдерживает. Хорошо, что я не учитель! Три денечка – потерплю... и свобода!

Так...куда идти? А вот и Ирина Викторовна идет мне навстречу с какой-то маленькой девочкой:

– Это наша новенькая. Она приехала из Коломны. Ее зовут...

– Вероника... – говорю я.

– А это Лиза. Познакомься. Она проведет тебя в класс, и будет подсказывать, что да как.

– Не волнуйся, – говорит она мне и подмигивает.

А что мне волноваться? Я взрослый человек, хотя надо было валерианочки выпить, страшновато, честное слово. Желудок как-то подергивается и в горле – комок. А что, если они растерзают меня, эти десятиклассники?

Лиза оказалась тихой скромной девочкой с фамилией Ю. Вот так просто Ю и все! Повезло, предпоследняя буква алфавита, редко наверно вызывают по журналу, подумала я, и пошла за ней следом. Мне казалось, что я гигант, при моем росте сто шестьдесят пять сантиметров. Мы вошли в класс, когда урок уже начался.

Математичка встала из-за стола, сняла очки, прокашлялась:

– Что у нас? Новенькая? Заходи!

Я встала посреди кабинета перед доской. Все меня внимательно изучали. Кто-то присвистнул, шепот прокатился по классу, смешки. А я рассматривала их – ребята, мне писать о вас. С косичкой, я, пожалуй, погорячилась. У всех девчонок распущенные волосы. Кроме одной, в очках – явно отличница.

– Как фамилия?

– Ммм...Матвеева...– на ходу придумываю я. Не могу же я сказать свое настоящее имя, вдруг кто в журнале видел, ведь моя фотография там иногда появляется.

Хорошо, что Лиза сидит одна. Я сажусь с ней.

Достаю новую тетрадь, ручку, устраиваюсь на неудобном деревянном стуле. Вдруг получаю толчок в спину. Больно! Поворачиваюсь. Парень с линейкой в руках говорит:

– Эй, новенькая! Передай воон тому, на первой парте.

Я смотрю на него, в месте удара неприятно ноет. Руки так чешутся треснуть ему так же. А в голове звучат строчки Агнии Барто: «Бить детей недопустимо, у меня душа болит». Хотя, какой это ребенок! Такой детина, пожалуй, покрепче моего мужа будет, правда, если присмотреться, у него еще над губой пушок.

– Че уставилась? – вывел он меня из размышлений. – Глухая, что ли, или немая?

– Меня Вероника зовут!

– Поздравляю! Я – Миша. Передай записку, говорю.

Тут вмешивается Лиза, забирает клочок бумажки и кидает адресату.

– Итак! – математичка пытается перекричать гул в классе. – Тема урока:

Логарифмы! Взяли все и записали.

– Вы уже проходили? – спрашивает меня Лиза.

– Нет... – вру я. Конечно, проходили! Лет семь назад. Да к тому же математика совсем не мой конек. Я всегда с ужасом ждала алгебры и вот сейчас что-то похожее во мне возрождается.

– Слушай, – говорит она мне шепотом. – Я так люблю Коломну. У меня там тетя живет. На Москворецкой улице. А ты возле зоопарка магазин знаешь...

Я понимаю, что сейчас я провалюсь – я была в этом городе всего лишь раз, в двухдневной командировке.

Математичка стучит по нашей парте указкой:

– Хватит болтать, не успела прийти, уже нарушаешь дисциплину.

Пронесло...

Зазвенел звонок. Все с шумом вскочили со своих мест.

– Звонок звенит для учителя! – пыталась удержать математичка, имя которой я еще не запомнила, но куда там. 10 «Б» спешил на перемену. Мальчики покурить. Девочки поболтать. А я? Я? Куда мне?

2.

Мы с Лизой пошли по длинному коридору – на экскурсию. Тоже вариант. На стенах висели фотографии выпускников с основания школы, а школа – с сорокалетней историей.

– Еще следующий год прожить и здесь появится фото нашего класса, – вздохнула Лиза.

– А что так расстроена? Жалко заканчивать школу?

– Да прям! Еще целый год впахивать перед ЕГЭ! Сейчас начнутся всякие проверки, срезы, тесты.

– Мда...

– Скажи, у нас странный класс, разношерстный. Тебе так не показалось?

– Не знаю, я еще не поняла.

– Я, между прочим, тоже новенькая. Я всего два месяца в этом классе. Но так не с кем и не подружилась. Они все такие... Ну вот девчонки делятся на три группы, те то дружит с Жанной – это Света, Аня и Карина, те кто не дружит – это отличница наша Олеся и еще пара девчонок, и те кому все равно.

– А ты?

– Я? Кому все равно... Они нас мышами зовут. А мальчишки все вместе, да их всего-то, как ты наверно заметила, семь человек. Они дружат. Как здорово, что ты пришла, а то мне надоело уже одной сидеть!

Меня очень интересовало местоположение туалета. Мы поднимались на третий этаж, когда мимо нас пронесся тот самый парень, которого я видела в кабинете у директора. Он замедлил бег, обернулся, глянул на меня. И умчался.

– Это кто? – спросила я.

– Это Егор. Из одиннадцатого «В», местный ди-джей и любимец девчонок. Их у нас таких два, он и Арсений из нашего класса. За ними все девчонки бегают, с пятого по одиннадцатые классы. Кроме меня, естественно.

– Почему естественно?

– Потому что шансов – ноль!

– Почему?

– Нет, ты видела их и меня – маленькую корейскую девочку?

– Красивую маленькую корейскую девочку Ю!

– Ой, да ладно!

Мы дошли до туалета. Я пошла внутрь. Лиза резко схватила меня за рукав.

– Стой, Вероника, туда нельзя заходить! – шепнула она.

– Почему?

– Видишь там девчонки, из одиннадцатого?

– И что?

– Пока они не выйдут нельзя! – Лиза смотрела на меня, округлив глаза.

– Ну почему!

– Нельзя и все! Они побьют тебя!

– Брось ты, – смеясь, сказала я, и смело шагнула внутрь.

Я дернула за ручку и прошла в кабинку мимо старшекласниц.

Дверь моей кабинки ударили ногой.

– Эй! Ты кто такая! Нюх потеряла? Что правил не знаешь!? – раздался голос.

Я дернула за рычаг на бачке и в ответ милым скромным девочкам громко забурлила вода.

– Кто это? Я раньше не видела... – я отчетливо слышала удаляющиеся голоса.

Ничего себе, порядки!

Уже звенел звонок. Я быстро вымыла руки, в коридоре ждала Лиза.

– Ну, ты даешь! – говорила она на бегу. – Тебе что жить надоело? Ты здорово их разозлила!

– А что я такого сделала?

– Ты первая, кто не побоялся зайти вот так, ну не считая, конечно, Жанну, она с ними дружит. Ой, шас опоздаем.

– Вот если бы я не зашла, точно бы опоздали!

Мы бежали по коридору в кабинет физики, он как назло, был в самом конце.

Лиза тихо постучала и спросила:

– Сергей Петрович, можно войти?

Учитель физики был недоволен.

– Войдите и встаньте у двери. Пойдите немного.

Все уставились на нас. И у меня была возможность еще раз посмотреть на ребят со стороны. Вот я увидела Арсения, про которого говорила Лиза, его нетрудно распознать. И выделила Жанну, что тоже ясно с первого взгляда. Жанна сидела за последней партой с одной из подружек, а вторая подружка расположилась за предыдущей партой, одна. Они шептались и хихикали.

– Вы же прекрасно знаете, что я опоздавших в класс не пускаю. А это кто? – спросил он, обратив на меня внимание.

– Вероника Матвеева... – ответила я.

– Давай дневник, Вероника Матвеева. И ты тоже Лиза.

– А у меня нет дневника, – сказала я.

– Что значит, нет? Дома забыла?

– Нет, просто у меня еще не все вещи перевезены, я приехала из другого города.

– Странно... а что в других городах дневников нет? – возмутился физик. Дневник – это твой документ, его надо было брать в первую очередь. Как безответственно! Садитесь! Прощаю первый и последний раз. Я тебя запомнил Матвеева. И это скорее минус, чем плюс.

Как хорошо, что мне не учиться в этой школе! Как хорошо, что аттестат лежит дома у родителей в шкафу! Как хорошо, что через два дня на работу! А то я уже начинаю нервничать как школьница.

Я пошла по проходу к своему месту. Арсений подмигнул мне и загадочно улыбнулся. Вот он, тот самый красавчик. Смелый какой!

На уроке я старалась больше не привлекать к себе внимание и просто списывала с доски все что, писал учитель. А писал он много и неразборчиво. Лиза тоже молчала. Мне захотелось домой – прийти, сесть в кресло-качалку на балконе, налить стакан апельсинового сока и почитать в тишине книжку. У меня разболелась голова от школьного шума и стала ныть спина – все-таки какие неудобные эти школьные деревянные стулья. Хоть подушку под попу подкладывай!

На перемене ко мне подошла Жанна, вместе с подружками.

– Пошли, покурим! Сейчас большая перемена! – сказала она мне.

– Я не курю...

– Ааа... – протянула она. – Я так и думала. Ну, как знаешь, как знаешь, – она развернулась, тряхнула головой и пошла. Это была, видимо, проверка.

Девчонки рванули за ней. А мы с Лизой пошли в столовую.

– Чего Жанна хотела?

– Приглашала покурить...

– А ты не куришь?

– Нет, конечно! А ты?

– Нет. А пробовала?

– Как-то раз, мы с девчонками, это было в восьмом классе, решили попробовать покурить. Никто ни разу не курил. Купили, скинувшись, пачку сигарет. И...я не решилась. Девчонки кашляли, потому что ничего не получалось, даже как прикурить толком никто не знал. В общем, в тот момент я приняла решение, что не буду никогда курить!

– И не попробовала?

– Неа! И не буду! Мне не нравится запах сигарет. Беее....

Это и в самом деле так, я сдержала свое слово, впрочем, и порывов больше не было.

– Я тоже ни разу не курила... Но у нас вот некоторые...

– Вот эти некоторые раньше других морщинами покроются! Это же давно доказано учеными.

– Ну да. Нам даже на биологии фильм показывали...

– А вообще курить сейчас не модно. Сейчас модно заниматься фитнесом, правильно питаться и следить за собой. Как-то так...

Детские сады пахнут по-особенному – кашей, молоком и еще чем-то неповторимым, едва уловимым, но придающим особую атмосферу. Школьные столовые тоже имеют специфический запах, нигде – ни в кафе, ни в столовой в бизнес-центре, где я работаю, так не пахнет. В буфете продаются булочки, пирожки и сосиски в тесте.

Я засовываю руку в сумку, в поиске кошелька, и тут же вспоминаю, что, во-первых, у меня кошелек Louis Vuitton, во-вторых, у меня там лежит только пятитысячная купюра. Мне кажется, это может вызвать серьезные подозрения.

Роюсь по карманам пиджака и нахожу сто рублей. Фуф! Мы купили по пирожку и стакану компота и сели за дальний столик. За соседним устроились мальчишки.

К нам подошел Арсений. У меня появилась возможность его рассмотреть. Он и в самом деле, очень даже симпатичный. Глаза необычного чайного цвета, прямой нос, четко очерченные губы. Модельная прическа, хорошо уложенная. Обычная школьная форма сидит на нем как хорошо скроенный деловой костюм.

– Девчонки, может, хотите шоколадку? – он протянул нам плитку в голубой обертке.

– Это не бомба? – спросила я.

Он засмеялся:

– Нет, берите, девчонки, пока даю. Говорят, что шоколад полезен при умственных нагрузках.

– А что ты думаешь, мы без шоколада не справимся с контрольной?

– Берите молча, а то заберу.

– Ну, уж нет!

Он положил шоколадку на стол и быстро вернулся к своим.

Мальчишки стремительно смели свою еду и умчались.

Лиза смотрела на меня с удивлением:

– Ты знаешь, я в шоке. В первый раз вижу, чтобы он кого-то угощал, да и вообще, чтобы вот так сам подошел...

– А что тут такого?

– Ну, он такой...гордый. Видимо, ты ему понравилась.

– Скажешь тоже.

Я улыбаюсь – понравилась шестнадцатилетнему мальчику, вот радость.

– А тебе кто-нибудь из класса нравится? – спрашиваю я.

– Нет! – быстро отвечает Лиза и становится пунцовой до кончиков ушей.

Все ясно. Лиза полминуты молчит, а потом начинает шепотом:

– Я могу тебе рассказать, только ты уже не можешь никому рассказать. О кей?

– О кей! Но можешь не рассказывать, если не хочешь.

– А мне нравится...Влад.

– Здорово!

Влад – это умный парень, который учится, видимо, лучше многих девчонок. Он сидит на второй парте. Со стороны производит очень приятное впечатление. Высокий и крупный, немного сутулится, носит очки и всегда ходит в костюме, под цвет формы.

– Он мне с самого начала понравился, когда я только пришла. Влад мне иногда по алгебре помогает.

– Здорово! – опять сказала я.

– Да не так уж...

– Почему?

– Мне не нравится все это. Мне учиться надо, в следующем году поступать, а у меня мысли о другом. Это неправильно.

– Неправильно? А ты в первый раз влюбилась?

– Так? Да!

– Ну и что тогда неправильного? Потом не будет первой любви!

– Да, но...мне кажется, я ему тоже нравлюсь.

– Еще лучше!

– Но мы не можем встречаться. Вдруг Жанна узнает...

– И что?

– Разнесет по всей школе!

– И что?

– Будут смеяться, что я такая маленькая, а встречаюсь с таким большим Владом.

– Подумаешь... Если тебе он нравится, какая разница, что нравится другим?

– Ну не знаю, хотя я хотела бы с ним дружить. Я даже в кино ни разу с парнем не ходила.

– Вот и сходи.

Мы едим шоколад, ломая его на кусочки, и молчим.

– Вот когда он проявит инициативу.

– А как он проявит, если ты говоришь, что и так тебе кажется, что ты ему нравишься?

– Ну, пусть сделает первый шаг.

– Так, может, стоит хоть намекнуть.

– Нет, он должен сам догадаться!

– Ничего он не должен! Парни часто и не думают ни о чем. Я сегодня ехала в автобусе и слышала разговор двух парней, по виду где-то нашим ровесники. Один сказал, что ему позвонила Янка. Другой сказал: Ааа... И че? Первый: Да ниче... Спросила «как дела»? Второй: А может, она чего хотела? Первый: Да не знаю... Вот и весь разговор, дальше они разговаривали о какой-то игре, в таких мельчайших деталях, а разговор о девчонках состоял только из «че - да ниче». Парни не говорят о девчонках. О чем угодно, только не о них! А я думала о той самой Янке, ведь она, наверно, не просто так позвонила, поговорить хотела, что-то сказать.

– Я подумаю.

Узнаю в Лизе себя. Я тоже боялась свои чувства выразить. Что ты! Вдруг кто что скажет! Звенит звонок, и мы спешим на информатику. Ужас, еще три урока! Сейчас бы кофе-брейк...

4.

Хорошо, что на информатике была новая тема, понятная и я все выполнила. Потому что мне кажется – я могу провалиться на любом предмете. Я ничего не помню. Это я поняла еще на первом уроке математики. А двоишницей выглядеть не особо хочется. И вот сидя на русском языке, я расслабилась. Наконец-то! Это сорок пять минут удовольствия, несмотря на самостоятельную работу. Выполняю свою, помогаю Лизе, даю списать Мише. Перед уроком ко мне подошел Арсений и попросил запасную ручку. Дала. Я все время думаю, насколько это честно – наблюдать за ребятами вот так, скрытно? Или, работа есть работа?

Последний урок французский язык. Все сидят расслабленные, ждут учительницу. Она приходит и объявляет:

– Самостоятельная работа – изложение.

Вот тебе новости!

Класс начинает гудеть, как растревоженный улей. И я с ними согласна – мы устали! Мы? Мы!

– Но, Оксана Игоревна, у нас шестой урок! – вскакивает из-за парты Миша. –
Пожалейте нас!

– Сядь, Серов. Так ребята, успокоились. Сказала, значит работаем.

Класс не желал подчиняться.

– Чем больше вы сейчас болтаете, тем меньше времени остается, – спокойным, но не терпящим возражений, тоном сказала она. – Это итоговая работа, она будет учитываться при выставлении оценок.

Видимо, с ней спорить бесполезно. Она читает текст, и я понимаю, что по французскому у меня тоже будет два. У нас он был лишь дополнительным. Невозможно на слух воспринять такой большой отрывок, а потом еще и пересказать!

Дочитав, она сняла очки и осмотрела класс:

– А теперь пишем! И чтобы не звука!

И вышла, оставив раскрытую книгу с закладкой на нужной странице.

Вот это да! Сейчас, наверно, это в порядке вещей, но в наше время такое показалось бы просто фантастикой. Каким сразу дружным и организованным стал 10 «Б»! Миша подбежал к учительскому столу, сфотографировал текст на сотовый телефон, и вернулся, как ни в чем не бывало на свое место. Вошла учительница, ее не было ровно столько, чтобы успеть проделать столь нехитрую операцию. Случайность? А по классу уже шла рассылка сообщений с текстом изложения. Вот и собираются факты к моему материалу, этот случай обязательно надо учесть.

– Вот вы даете! – с восхищением сказала я Лизе.

– А вы что так не делали в своей школе?

– Ммм... да у нас учителя никогда не выходили.

Миша толкнул меня в спину:

– Матвеева, диктуй номер...

И я продиктовала.

Когда мы с Лизой списали изложение, на столе завибрировал телефон. Я еле успела быстро его схватить, пришло сообщение и большими буквами высветилось МУЖ. Моя школьная подруга вроде ничего не заметила, а меня затрясло – так никаких нервов не хватит!

ДАВАЙ ПООБЕДАЕМ ВМЕСТЕ?

Ответила: ДАВАЙ! ЗАБЕРИ МЕНЯ ВОЗЛЕ МАМИНОЙ РАБОТЫ. ЧЕРЕЗ 15 МИНУТ. Успею добежать. Это один квартал.

Как только прозвенел звонок, поблагодарила Лизу за помощь и поддержку и забежала на минуту в кабинет к директору. Она нашла для меня комплект формы. Я схватила пакет в охапку и, промчавшись мимо «одноклассников», поспешила навстречу любимому.

Мы с Антоном поехали в наше кафе. Я выбрала столик у окна, где можно смотреть на дорогу.

– Так что ты в том районе делала?

– По работе там была... Я тебе еще не рассказала, только ты не ругайся!

– Что еще?

– У меня редакционное задание. Я три дня буду находиться в школе, в качестве ученицы.

– Шутишь, да?

– На полном серьезе. Это Аллы идея.

– И вот какая из тебя ученица? У тебя же взгляд взрослого человека? И суждения...

– Стараюсь помалкивать. Я сегодня уже была в школе. Вроде не спалили...

– Ты уже слов нахваталась?

– Ну, есть немного... вот например, сейчас модно «жесть» говорит по поводу и без.

Так что то, что я согласилась пойти в школу, это – жеесть!

– Валя! Ну что тебе все нейдет! – вздохнул Антон. То она с парашютом прыгает, то по реке сплавляется, теперь в школу пошла! Мне это не нравится...

Антон был недоволен. Да, с парашютом, пожалуй, в прошлый раз, я перегнула. Сама испугалась, когда оказалась в свободном падении над полями пригорода, а парашют меня не слушался. Я со всей силы тянула за стропы, а ветер уносил меня вдаль от намеченного места приземления. Чуть было не приземлилась на тополя. Зато статья вышла просто отличная! Высокий рейтинг после размещения на сайте был.

– Всего три дня. Зато мне на сегодня дают отгул, на вторую половину дня, и я приготовлю на ужин что-нибудь.

– Да уж будь добра, а то два дня питаюсь яичницей!

СРЕДА

1.

Больше никаких экспериментов с общественным транспортом – думаю я, оставляя красный Volkswagen Beetle на том самом месте, где меня вчера забрал Антон. Я купила его в прошлом году и очень им дорожу. Я захлопнула дверь, нажала на кнопку сигнализации, перепрыгнула через арык и увидела Егора. Он шел по тротуару – деваться было некуда.

– Так, так, – сказал он медленно. – С каких это пор десятиклассницы за рулем ездят?

Я, не отвечая, ускорила шаг. Он догнал меня, схватил за руку и спросил, глядя в глаза:

– Десятиклассницы или...

– Или... – сказала я, – и побежала в сторону школы.

Что теперь делать? Он ведь все расскажет ребятам. Мне осталось продержаться два дня, а теперь эксперимент может быть сорван. Надо было где-нибудь подальше во дворах оставить машину.

Сегодня я вообще чувствую себя не очень уютно – я в настоящей школьной форме. В коридоре меня уже ждет Лиза и мы вместе идем на русский, точнее на классный час. Странно, но в кабинете всего три человека, хотя через две минуты звонок.

– А ты не удивляйся. У нас на классный час народ вот так и ходит. Сейчас Е.А. будет рвать и метать.

Постепенно класс начал заполняться. Пропускать не имеешь права – на носу ЕГЭ.

Последней, через пять минут после звонка, пришла Жанна со своей свитой. Кинула на меня неоднозначный взгляд и села на свое место. Я ответила ей подобным. Ишь, какая! Считаешь, что я так прищуриться не смогу? Думаю, было бы мне, как Лизе пятнадцать лет, я бы тоже ее боялась, уж очень уверенно и надменно она себя ведет. По-взрослому. Тема классного часа: «Выбор профессии», но Елену Анатольевну никто не слушает. Каждый занят своими делами, кто играет в телефоне, кто рисует, кто списывает алгебру. Да, кстати, мне бы тоже списать!

– Итак, сегодня поговорим о вашем пути, который вы выберете в будущем.

– Уууу... – недовольно откликнулся класс.

– Профориентация – это очень важное решение. Именно сейчас вы должны уже определиться, кем вы хотите стать. У вас осталось чуть больше года. Ведь по выбранной специальности вам работать всю жизнь!

Ха! Всю жизнь? Психологи установили, что каждые три года желательно менять место работы, а каждые пять лет – специальность, желательно кардинально. Например, из дизайнера в экскурсоводы, или из менеджера во флористы. А работать в одном месте по сорок лет сейчас уже не считается достойным делом – что ты можешь дать другим, когда не растешь сам, если сидишь на одном стуле, смотришь на один пейзаж за окном? А новые горизонты? Сижу, молчу.

– Ну, вот кем вы хотите стать? – классная постучала указкой по столу, привлекая внимание. – Я знаю, сейчас вы поднимете руки, и пятьдесят процентов скажут «стартаперами», а вторая половина «блогерами». Так?

– Так! – загудел класс.

– Стопудово! – крикнул кто-то с «камчатки».

– Почему вы считаете, что нужно выбрать именно эти специальности. Из-за востребованности?

Класс ответил протяжным «Да...»

– Может кем-то другим, почему вы не рассматриваете иные варианты?

Асхат выкрикнул:

– А! Водителем поливальной машины! Работать на благо людям – вставать пораньше и освежать тротуар, чтобы фрилансерам было приятно по чистому асфальту идти на работу.

– Необязательно! Можно выбрать другую престижную профессию. Например, инженер!

– Ага! Сколько сейчас инженеры получают, знаете? Вот у меня дядя работает. У него даже штуки баксов в месяц нет! – продолжал Миша.

– Штука баксов? И что это, по-твоему, не деньги?

– Маленькие деньги!

– Нет, ребята, это неправильный подход. Вам надо определиться раз и навсегда. Вот, если вам, допустим, нравятся растения, то может лучше стать биологом, а не рваться всем подряд во фрилансеры. А то деньги... деньги.. Зачем вам деньги?

– Ну, как зачем? – спросил Арсений. – В таком времени живем. Чтобы модно одеваться, отдыхать, путешествовать. Чтобы в отпуск раз – и на Мальдивы!

– И что вам здесь не живется!? – возмутилась учительница. – Что вам плохо в родном городе? Не отдыхается?

– Можно и здесь отдохнуть, но хочется побывать везде. На Сейшеллах, на Карибах – мечтательно произнес Арсений.

Миша поднял руку:

– А вот вы сами где-нибудь были...?

Классная замялась.

– И что? Разве не хотелось? Или зарплата не позволяла? Вы все еще уверены в правильности выбора профессии? Может, надо было поменять?

Девчонки зашипели на ребят.

– Какие вы приземленные! – выдала после продолжительной паузы Е.А.

Мальчики правы том, что надо всегда стремиться к лучшему. В мире столько возможностей, зачем их упускать? Сейчас надо мне кажется нацеливаться на развитие Интернет, компьютерных и био и нано-технологий. Хотя нет. Надо заниматься тем, что приносит удовольствие, к чему есть талант – тогда деньги придут сами. Выбирать сердцем. Вот я пошла я в педагоги, а в итоге, пришла в журналистику, потом что всегда нравилось писать. Когда я в первый раз решила написать статью, Антон посмеивался:

– Знаешь, сколько людей с образованием пытаются стать журналистами. Не у всех выходит.

– А я пробую, вдруг у меня выйдет!

– Но помни, что не у всех получается.

– Значит, они не очень хотели...

А теперь, когда у меня есть отличное место работы, достойная зарплата, я хочу большего. Следующая моя цель стать со временем главным редактором на портале. Посмеивайся, Антон, посмеивайся.

Жалко, что в школе не преподают самый важный предмет – мечтание. Даже не так, как бы назвать? Воплощение своих желаний. А точнее, намерений. Это проверено, когда есть цели и желания, если идти к ним планомерно, то они воплощаются. Где-то прочитала хорошую фразу: Никто случайно не становится астронавтом. Так что, желать – это замечательно. А когда к желанию прилагаешь действие, и двигаешься в сторону своей мечты, она двигается к тебе.

Лиза шепчет мне:

– А вот я бы хотела стать фармацевтом! Я бы изобретала таблетки, сиропы и витамины...

– Здорово! Вот и скажи!

– Не скажу! Вдруг надо мной смеяться будут?

– Да не будут.

Я подняла руку.

– Я хочу стать журналистом.

Елена Анатольевна просияла:

– Вот здорово! Что-то новенькое!

Вот и Лиза решилась:

– А я фармацевтом!

– Просто замечательно! Еще?

Так, с нашей подачи, вырос «лес рук». Оказывается, кроме блогеров в классе притаились: врач, пилот, политик, финансист. Ну и стилист, понятное дело,

Жанна.

– До звонка осталось 15 минут. Я схожу в учительскую. Тихо посидите?

– Да... – нестройным хором отозвался класс.

– Я быстро...

2.

Я предлагаю Лизе сыграть в «балду». Моя подруга смотрит на меня и машет головой – она не в курсе, что это такое. Мы раньше только этим и развлекались при первой возможности. Я начертила квадрат десять клеточек на десять клеточек, разлиновала, вписала слово «балда».

– Теперь надо прибавлять по одной букве, чтобы получились новые слова. Чем длиннее слово, тем больше баллов. Понятно?

Мы начали играть, да так азартно, хотя я старалась особо не умничать. У меня вышло слово из шести букв, у Лизы получалось из трех-четырех, я ей старалась помогать. Нашей игрой заинтересовался Влад. Он начал играть с соседом Лешей. Потом присоединились девчонки. По классу начались хождения. Ко мне подошел Арсений и отдал ручку, которую брал вчера.

Дверь открылась, и в класс заглянул мальчишка лет десяти-двенадцати.

– Новенькая здесь?

Я подняла руку. Он подбежал, сунул мне записку и убежал. На клочке листа в клеточку была нарисована божья коровка и смайлик. Что к чему? Я скомкала ее и положила в

карман пиджака. Арсений так и стоял возле стола, возможно, видел содержание, он взглянул на меня, я пожала плечами.

На перемене до меня дошло, что это Егор развлекается. Карикатура, видимо, это намек на мою машину, ее ведь все «жуком» называют. Ну ладно, главное, чтобы он пока не принимал никаких других действий. Интересно, а кто вчера мне смски слал? Он?

Мы сидим с Лизой на подоконнике, ждем, пока из кабинета английского выйдет предыдущий класс.

– Слушай, а ты мой номер никому не давала из ребят? – спрашиваю я.

– Нет, а что?

– Да какие-то вчера странные сообщения приходили..

– Не знаю. Думаешь, кто-то из наших? Слушай, а ты же вчера на французском Мише номер дала.

– Ой-ой-ой! Я совсем забыла!

– Ну, тогда можешь считать, что твой номер есть у всей школы.

Вот тебе новости. Я вчера получила около пяти сообщений. Антон стал на меня неодобрительно посматривать, когда телефон пикал каждые 10 минут.

ТЫ БУДЕШЬ ЗАВТРА В ШКОЛЕ?

ЧТО ПО АЛГЕБРЕ ЗАДАЛИ?

ТЫ В КАКОЙ ШКОЛЕ УЧИЛАСЬ?

И все в таком духе. Я не отвечала.

3.

Физика все боятся и уважают, это я поняла. Он высокий, худой, с длинными волосами, собранными в хвост и очень серьезный. Он носит темно-синий костюм, почти всегда заляпанный мелом. К физике все готовятся тщательно. Девчонки, как я поняла, в основном ничего не понимают. Кроме Олеси, конечно. Но зато постоянно зубрят.

Сергея Петровича еще нет в кабинете, и до конца перемены еще есть пара минут, но класс занят – все списывают домашку. Я глазею в окно.

– Эй, Вероника, – Лиза выводит меня из задумчивости. – А ты не хочешь скатать задачу? Смотри, второй раз он тебе не простит.

Точно! У него наверняка есть маленькая черная книжица, куда он вечером вписывает имена всех, кто в чем-либо провинился. Я там наверняка отмечена.

– Да можно наверно!

– Наверно! Пиши быстрее шпору.

– А это чья работа?

– Это тетрадь Влада. Только он и Олеся сделали, но она никогда и никому списывать не дает.

– А зачем мне шпаргалка, если у меня карманов нет?

– В чем проблема? Пиши на руке!

При появлении в дверях учителя класс вскакивает.

– Итак, сдаем телефоны, – говорит он и достает из тумбочки пластиковый контейнер. Как в аэропорту.

– Это еще зачем? – шепотом спрашиваю я Лизу.

– Значит, в конце урока срез будет.

– А телефоны зачем?

– Ну, ты как из леса! Чтоб калькулятором не пользовались – сами считали, и чтобы не пересылали друг другу свои решения.

Сергей Петрович усаживается за свой стол, около минуты смотрит на всех, выдерживает паузу.

Затем медленно поддвигает к себе классный журнал. Плавно берет карандаш. Мне кажется, что он действует в замедленной съемке.

– А чего он такой заторможенный? – шепчу я на ушко Ю.

– Это он так нас всегда мучает...

Я ловлю на себе взгляд учителя.

– Итак...– тридцатисекундная пауза – ... к доске пойдет...– еще полминуты...– к доске пойдет...

Я вжимаю голову в плечи автоматически – видимо телесная память со школьных времен, и пытаюсь укрыться за широкой спиной Влада.

Но не срабатывает, потому что в звенящей тишине, как приговор звучит:

– Вероника Матвеева!

Я иду, а вслед доносится: Жесть... Удачи...Пронесло...

Эх, кого-то пронесло!

Кроме меня вызвали еще четыре человека, так что мне повезло, и мне досталась задняя часть доски. Я аккуратно списала решение задачи, пять минут пыталась разобраться с ним и еще пару минут переминалась с ноги на ногу и перемигивалась с одноклассниками.

Меня спрашивали третьей. Я держала в руках мел, крутила его, вертела, пока физик не сказал положить на место.

Что-то я разнервничалась, аж ладони вспотели, я их нервно тру ладонь об ладонь. С трудом, но я все же смогла объяснить решение задачи. И вот в момент, когда я была готова подумать что все, мучения закончились, он говорит:

– Ну-ка Матвеева, руки свои покажи!

Нет. Нет. Нет! Только не это. Вот и настала моя минута позора! Точно приду на работу и попрошу премию, а то и повышение зарплаты за такие нервы!

Я показываю ладони.

– А, хорошо, садись, – медленно произносит Рашид Галымович.

И я смотрю на свои руки, не видно и следа пасты – о! спасибо, спасительный мелок! Не зря я тебя крутила в руках! Стерла. Уф, точно пронесло!

4.

Мы зашли в кабинет английского, класс разделен на две группы – сильная и слабая. Я попала в сильную. Хотя бы сейчас, после тяжелого опыта с физикой, блесну знаниями. Хорошо, хоть девчонок во главе с Жанной нет в этой группе. Они мне уже всю спину прожгли взглядами, особенно после того, как ко мне подошел Арсений. А сейчас она наверно злится из-за того, что я в группе, в которой он. Мне не надо конфликтов, просто еще сегодня и завтра продержаться.

В класс зашла учительница. Через пару минут урока понимаю – не блесну. Ребята бегло разговаривают и занимаются по каким-то университетским учебникам. И между собой общаются только на английском. Даже просьба списать, и то, звучит на языке Байрона! Молодцы, восхищаюсь, но сама не могу вымолвить ни слова. Оказывается я уже все забыла что знала, но еще и обстановка давит на меня. Англичанке интересно услышать именно меня. К сожалению, мне нечем ее обрадовать. И я молчу, хотя прекрасно понимаю, о чем она меня спрашивает. Она оставляет меня в покое, а мне так неприятно, настроение испортилось. Надо идти на курсы – а то десятиклассники лучше меня разговаривают!

– Вероника, подойди ко мне, – говорит учительница английского после урока.

Подхожу.

– Ты попала в сильный класс и в сильную группу английского. Я ребят веду с пятого класса, они у меня отлично разговаривают. А что мне с тобой делать? Ты же двух слов связать не можешь.

– Я разволновалась...

– Я так и поняла, но все равно тебе придется тянуться за группой и без репетитора тебе никак не обойтись. Ты будешь тянуться за ребятами?

– Да!

– Ну, смотри, все только в твоих руках.

В подавленном состоянии выхожу из кабинета. И натыкаюсь на Жанну – как будто она меня только и ждала. Мы идем с ней за угол, в рекреацию, где расположена начальная школа.

Она встает передо мной. Жанна выше меня почти на голову.

– Слушай ты, Матвеева, мне не нравится, что ты пришла в наш класс и в нашу школу. Веди себя тихо и смирно, иначе пожалеешь. Ты ведь знаешь, о чем я? Или точнее о ком? – прошипела она. – Понятно? А тот, кто не слушается, тот потом горько плачет. Я кивнула головой. Что ж непонятного?

Лизе я не стала рассказывать эту историю. Боюсь, что распереживается за мою жизнь и здоровье, а это может грозить срывом операции. Я сказала, что просто ушла позвонить маме. Впереди еще четыре урока. И все-таки права Ирина Викторовна – в школе что-то нездоровая атмосфера. Что ж, Жанночка, девочка-припевочка, придется, наверно, наступить на горло твоей песне и рассказать директору о том, как ты обижаешь слабых и беззащитных. Или не вмешиваться в чужой компот?

Я возвращаюсь к кабинету английского и понимаю – скрыть от Лизы не получится.

– Что случилось? – шепчет она встревоженным голосом.

– Да ничего такого! Просто Жанне поболтать не с кем!

– Вот это ты мне не рассказывай! Жанна просто так ничего не делает. Что она тебе говорила?

– Что я ей не нравлюсь!

– Еще бы! Ей никто не нравится, кроме себя. Еще что?

– Чтобы я вела себя смирно, а то буду плакать.

– Да...плохо. Что делать-то теперь?

– Что?

– Ты такая спокойная, а они и побить могут!

– Ты уж извини меня, Лиза, но что-то я их не боюсь. Три соплячки и пара старшеклассниц.

– Какая ты смелая! – Лиза стала говорить еще тише. – За ними стоит вся 24 школа! Все парни-старшеклассники. Жанне стоит только пальчиком поманить и ты на прицеле. Между прочим, завтра из-за этого будут на дискотеке разборки. Стенка на стенку – знаешь, что это такое?

– Ну...

– А видела когда-нибудь? Это сломанные носы, руки, пробитые головы. Море крови и разборки с милицией и родителями. Вплоть до исключения. И вот из-за «Этих» сегодня будет мордобой. Мальчишки с утра не свои, понаблюдай.

Действительно, сегодня какие-то все нервные, а я и не догадывалась о причине.

Оказывается – им в бой. Вот порядки!

– А нельзя это предотвратить?

– Не знаю, может можно, но как? Да и кто за это возьмется, убьют ведь потом или покалечат. Я думаю, лучше нам на дискотеку вообще не ходить!

– А ты собиралась?

– Ну, хотелось, бы. Все-таки последняя в этом году. Но страшновато что-то. Я даже топик с пайетками купила.

Я, конечно, на дискотеку не собиралась, но видимо, придется идти. Топика с пайетками у меня нет, простите.

На большой перемене незаметно исчезаю и иду к Ирине Викторовне, рассказывать про планы старшеклассников на завтрашний вечер. Я могла бы этого не делать – ведь и без меня раньше как-то жили. Но, как представляю, какие это может иметь последствия, так дурно становится. У нас в школе одного мальчика избили, и он дурачком остался, а был такой умный, спортивный, красивый. Десять на одного – это не по-человечески. Да и стенка на стенку, это может двадцать на пятьдесят.

– Вот свинята! Я им устрою! ЕГЭ на носу, а они хотят эти носы поразбивать. Спасибо, Валя, ты очень вовремя. Разберемся!

Я покинула кабинет с легкой душой и отыскала в столовой Лизу.

Приходим на биологию, а к моему стулу привязан воздушный шар в форме...пам-пара-бам...божьей коровки!

– Ой, что такое милое! – удивляется Лиза.

А я уже ничему не удивляюсь, разве тому, что Егору удалось где-то раздобыть вот это чудо.

Полдня таскаю с собой форму, потому что сегодня по расписанию предпоследним уроком физ-ра, и только сейчас замечаю, что у Лизы с собой ничего нет.

– А ты где форму оставила?

– Какую форму? На физ-ру, что-ли?

– Ну да...

– А я не хожу на физ-ру.

– Освобождение?

– Да у нас никто не ходит на физ-ру из девчонок. Ну там пара-тройка. Только пацаны.

– А почему?

– А что там делать? С пацанами в баскетбол играть, что-ли?

– Не знаю. А как там гармоничное развитие и все такое?

– Да ну... А как там алгебру домашку сделать и все такое? Впрочем, тебе никто не запрещает...

Я даже немного расстроилась. Мне было интересно позаниматься в зале, потому что в школе я очень любила физические занятия. У нас было очень интересно, и никто никогда не пропускал их. Да и с этими школьными буднями я забросила свои утренние пробежки. Некогда – учусь!

Мы пришли в спортзал и действительно, все девчонки уселись на скамейки. Лишь Олеся вышла с двумя девчонками в зал, взяли скалку и обруч и уныло крутили в углу.

Я подумала-подумала и пошла переоделась. Когда вышла в спортзал, мальчишки были в шоке – девчонка будет играть с ними в баскетбол? Но они меня не знают! Во дворе никто не забивал больше голов, чем я.

Мы играли на одно кольцо. Я оказалась в одной команде с Арсением и Мишей. Мы выиграли со счетом 10:2. Обожаю баскетбол! С таким удовольствием побегала по площадке. Кстати, ребята очень хорошо играют. После игры Арсений пожал мне руку. Это признание.

4.

– Привет работникам СМИ!

– Привет гуленам и бездельникам! – улыбаясь, говорит Алина, острый язычок нашей редакции.

– Зря вы так! Я, между прочим, тоже работаю, еще похлеще вашего!

– Знаем ага! Небось, там десятиклассникам своим глазки строишь, а мы тут вкалываем!

– Ой, ты-то особенно! На тебя где залезешь, там и слезешь! Как я по вас соскучилась, девчонки!

В редакции народу сегодня мало: Татьяна – корректор, Инна – фоторедактор и выпускающий редактор Алина.

– Инна, ты подстриглась!

– А у меня новая сумочка, – подскочила ко мне Алина. – Любуйся!

Она помахала ею перед моим носом.

– Замечательная просто!

– Слушай, давай быстрее возвращайся с партзадания, а то без тебя скучно. Тишина такая в редакции!

– Зато мне знаешь как тяжело, ни поболтать, ни потрындеть – боюсь спалиться.

– Ты даже словами новыми разговариваешь!

– Да? Ну ничего, ура! Сегодня последний день был. Сейчас перед Аллой отчитаюсь и все. Останется только статью подготовить. Кстати, где она?

– В переговорке. Сейчас подойдет. И как твои школьнички поживают?

– Отличные ребята. Я когда шла, даже не знала, что ожидать. Я привыкаю, они мне родными становятся.

– Смотри, не останься там.

– Да не дадут мне остаться! Правда, у меня Антон не в восторге. Конечно, я целыми днями пропадаю там, а потом по вечерам еще пытаюсь домашку делать.

– Да уж, – хмыкнула Инна. – Ну, ты даешь вообще...

Мне так хочется выпить чая из моей любимой сиреневой кружки и посидеть на диване, но появляется Алла.

– Как дела, отличница?

– Отлично! Вот я отработала, отучилась-отмучилась!

– Молодец. Храбрая девочка. Как поколение, удивило?

– Нет. Не фрики, дети как дети. Любознательные, развитые, так же не хотят особо учиться, как и мы в свое время, но хотят хорошо жить.

– Есть что по теме? Чем отличаются от твоего поколения?

– Напичканностью, это их словечко. Интернет, телефоны, айфоны, айпады, mp3 еще какие-то невиданные штуки. Это с ними ежеминутно, учителя справиться не могут, так что и на уроках то пищит, то пиликает. А они: Извините, у меня грузится файл. Или, ой сейчас докачаю песенку. И так далее.

– А межличностные отношения?

– Тоже нормально. Класс разбит на группы. Единственное, есть одна девочка с компанией подружек, которая смуту наводит. Ну, вот, сегодня, например, из-за нее, возможно, будет большая драка.

– Почему возможно?

– Потому что я рассказала директору и надеюсь, что она предотвратит. Хорошо, что меня это уже не касается...

– Почему не касается? Это же интересно.

– Потому что я сегодня последний день в школе была. Правда, я девочке из класса обещала сходить завтра на дискотеку, но у меня же последний день! Я ведь завтра должна с тортом к ребятам сознаться.

– Нет. Раз такая пляска, давай на пару дней удержишься. А то самое интересно пропустишь.

– Нет уж, увольте.

– И уволю!

Я смотрю в прищуренные глаза Аллы и понимаю, что спорить бесполезно, уж если она что-то решила.

– Может не надо?

– Надо, Валенька, надо. Журналистский долг зовет. Давай, я тебе еще и отгул в начале следующей недели дам. Зато, какая статья выйдет!

– Вы не представляете, как мне надоело шпионить, быть чужой среди своих!

– Ты не шпионишь, ты выполняешь свою работу. Все, иди пить чай, стоишь кружкой машешь!

ЧЕТВЕРГ

1.

Я не смогла бы быть шпионом, военная разведка не для меня. Оказывается, это такая нервная профессия! Не сболтни лишнего, просчитай каждое движение, спрогнозируй

ситуацию. Я все пропускаю через себя, много думаю и плохо сплю ночами. Совсем запуталась и завралась – мне кажется это не совсем честным, наблюдать за ребятами, находясь в их коллективе. Они-то мне доверяют, по-крайней мере, приняли нормально. Это, пожалуй, самое тяжелое редакционное задание – даже делать интервью со звездами было не так волнительно!

Стоило мне только оказаться в школе, как мне на телефон пришло сообщение принять файл.

Приняла, а там песня Beatles про желтую субмарину. Да...Егор, наверно, первый выведет меня из себя. Да, я жучок, и сама нервничаю по этому поводу! Видимо, позавчерашние смс-ки тоже его рук дело. Ладно, пока молчит, буду и я держать себя в руках.

Уже на третьем уроке я поняла, что мне ужасно надоело ходить в школу, что я хочу на работу. Я готова была пойти на самую скучную пресс-конференцию, лишь бы не идти на алгебру.

Учитель по ОБЖ задерживался. Прошло пять минут после звонка. Мальчишки расселись на подоконнике, девчонки стояли группками. Вдруг Саша, достал бомбочки и стал поджигать и пугать ими девчонок. Те с визгом неслись к стене, и вжимались в нее, что очень забавляло мужскую часть класса. Мы с Лизой в забегах не участвовали. И где он только достал бомбочки? Думала это раритет, развлечение из нашего детства.

Саша решил нас тоже включить в свою игру.

– Только попробуй подойти еще на шаг! – спокойно сказала я.

– Подойду!

– Я тебя предупредила! Ты не думал о том, что попадешь кому-нибудь из девчонок в волосы? А потом у тебя будут серьезные проблемы!

Арсений прыгнул с подоконника и бросил Саньке:

– Отстань от девчонок.

Саша пробурчал: «Тоже мне, защитник нашелся», но от нас отстал.

Жанна на меня недобро зыркнула. Атмосфера накалялась. Класс заметно нервничал.

Прошло 10 минут после звонка.

– Класс, равняйся! Направо! – командует Миша. – В сторону выхода шагом марш!

Мальчишки быстро среагировали их долго уговаривать не нужно, а девчонки замерли.

– Итак, дорогой 10 «Б»! Предлагаю дружно организованно свалить с урока ОБЖ!

О! Даже в рифму! Итак, 10 «Б» уже, валим с ОБЖ! Я почитаю рэп немножко, а вы похлопайте в ладошки!

Миша получил пару аплодисментов.

– Вааау! – произнесла Жанна. – Клади на пол кепку, будем тебе деньги кидать.

– Ну так че? – Мише не терпелось сбежать с урока, он даже пропустил мимо ушей предложение Жанны. А может, тоже не хочет связываться?

Я четко понимаю, что сейчас класс разделится на умных и красивых. Лиза смотрит на меня. Остаться с заучками, парой-тройкой или подчиниться коллективному решению?

Выбираю, бежать. Все аргументы на моей стороне:

а) я совсем не хочу на строевую подготовку

б) во время учебы в школе я ни разу не сбежала с уроков, не решалась.

Может, все-таки пришло время?

в) на улице прекрасная весенняя погода

г) меня ведь не выгонят из школы))))))

2.

10 «Б» гурьбой вывалился на улицу, и покатился огромным энергетическим комком в сторону парка.

Олеся и две девочки (я до сих пор не запомнила их имен) остались подпирать двери кабинета, Жанна со своей группой поддержки удалилась во дворы, а я и Лиза, вместе с остальными, отправилась на чудесную прогулку по аллеям парка. Оставалось всего полчаса до начала следующего урока.

Как все-таки здорово, что сегодня вместо работы в офисе, я могу пойти и прогуляться, пусть даже по редакционному заданию. Хотя, если честно, такое ощущение что работа отходит на второй план, здесь и сейчас я ощущаю себя в своей тарелке. Да ну ее, эту работу! Весна! Иду, улыбаюсь. Я люблю весну. Это лучшее время года. Первые, такие нежные и сочные листики, некоторые еще свернуты в трубочку, но готовы раскрыться при первых ободряющих лучах солнца. Воздух пахнет сырой землей. Я иду по тротуару и стараюсь, как в детстве, наступать лишь на участки сухого асфальта, иногда приходится прыгать.

Жалко, что сегодня небо хмурое и прохладно.

Лиза вырвалась немного вперед, а ко мне сбоку пристроился Арсений. Он, незаметно для других, взял мою ладонь в свою, и слегка сжал мои пальцы. Его ладонь горячая и большая. Вот те на! Я легко высвободила руку, улыбнулась и побежала догонять

свою подружку. Вот еще не хватало! У меня муж, да и к тому мне сам директор не разрешает романтических отношений! Строго-настрога.

В парке пусто. Сезон еще не начался. Одинокие карусели, некоторые укрытые тентами на зиму, тоже ждут тепла и первых посетителей. Класс занял две скамейки, стоящие напротив. Миша исчез и через пять минут явился с двумя пакетами мороженого.

– А! Мороженое! В самый раз в такую погоду! – засмеялся Арсений.

– Да, и завтра десятый «Б» придет на уроки в половинном составе, – добавила Лиза.

Влад поправил очки:

– Нас такое не возьмет! Подумаешь, мороженое. Вот, грипп какой-нибудь... Или энтеровирус...

– Че-го? – сказал Арсений. – Какой еще энтеровирус!? Ученый!

Все рассмеялись.

Ребята забрались с ногами на скамейку, и сели на спинки.

– Друзья, а давайте по-нормальному сядем? – не выдержала я. – Попами на сиденья, а ногами на асфальт.

– А че? – удивился Миша. – Вероничка, так же прикольнее!

– Прикольнее! Только, во-первых, девочки в юбках. Ага? А во-вторых, это парк для детей. Может, не будем топтать скамейки?

– Да без проблем! – одним движением Миша сполз вниз, и оказался в нормальном положении. Остальные – тоже.

Да, веду себя как училка, думаю я, надо наверно тоже иногда изменять своим принципам. Сидели бы, да сидели.

Я съела половину мороженого. Началось какое-то смутное волнение, я даже не сразу сообразила – что происходит. Резко потемнело. И все на несколько секунд словно замерло. Вдруг на землю стало что-то падать. Начался град! Да такой, какого я в жизни не видела. Огромные ледышки, размерами с мячик от пинг-понга. Все ребята с криком и визгами, прикрывая голову, кто сумками, кто руками, рванули в сторону каруселей – других укрытий рядом не наблюдалась. У меня произошла замедленная скорость реакции, что называется «стормозила», меня быстро схватил за руку Арсений и потянул вслед за всеми. По руке потекло мороженное, он выхватил его и на ходу бросил в урну. Попал! До ближайшей карусели-грибка метров пятьдесят. По пути надо еще преодолеть пару невысоких ограждений. Мы прибежали последними. Все стояли в укрытии, запыхавшиеся, но довольные. Это маленькое приключение раззадорило учеников. Все стали занимать

места на карусели. Кто присел на лошадку, кто – на лодку. Я выбрала себе гусеницу – милая, салатная, с фиолетовыми полосами и оранжевыми усиками. Арсений сел напротив, на жирафа, и улыбнулся. Я ответила тем же. Я ощущала себя на совсем в своей тарелке, потому что руки у меня были липкими от мороженого. Но у Арсения во внутреннем кармане пиджака нашлась для меня влажная салфетка. Оказывается. Он еще и аккуратный. Даже я, в сумке – то ношу, а то забуду.

Град закончился также неожиданно, как и начался, и мы пошли в сторону школы. Парни по дороге подбирали ледышки, соревнуясь, кто найдет самую большую. Так и добрались с полными ладонями градин.

На литературе была тема поэзия серебряного века. О! Это то, что я люблю. Но мне не удалось послушать Е.А.

Лизу потянуло на откровенные разговоры, к которым я, к слову, не была готова. Она прилегла всем корпусом на парту, и мне пришлось сделать тоже самое, чтобы слышать ее шепот.

– Вероника, а ты когда-нибудь целовалась?

Так... Целовалась – не целовалась. Пусть будет – да. Только было это в конце лета, перед одиннадцатым классом, если говорить по-честному, про меня.

– Да. Было один раз.

– Расскажи.

– Я была на свадьбе брата другом городе. И там был один парень на год старше меня. Мы сидели за столом вместе всю свадьбу, танцевали, а потом он вывел меня за ворота, взял за руку и поцеловал.

– Тебе понравилось?

– Да.

– А я ни разу не целовалась.

– Еще успеешь.

– Ну, ты-то уже целовалась!

– Ой, да только разочек!

– А я парням не нравлюсь, наверное. Мне вот и интересно и странно – ведь прямо губами и языками, беее...

– Просто не надо целоваться только ради того, чтобы поцеловаться. Хоть с кем-то. Если целуешься с тем, кто нравится, то не беее.

– А вот так буду ждать принца всю жизнь и вообще не поцелуюсь.

– А ты бы хотела прямо сейчас, в свои пятнадцать лет замуж?

– Ну прям! Скажешь тоже!

– Ну и все тогда, не торопись. Как встретишь того самого человека, ты сама почувствуешь.

– Ты так говоришь, как взрослая.

– Так я же тебя на полгода старше!

Так себе аргумент, надо поменьше умничать. Мне особенно неприятно скрывать правду от Лизы, потому что она так искренне обрадовалась, что я пришла к ним в класс. А я...

– Вероника, а ты дневник ведешь?

– Раньше вела, а сейчас забросила.

Пару лет назад он мне попался в руки. Там не было «дорогой мой дневник», зато было «если кто-нибудь решит прочитать мой дневник, пусть помнит, что читать чужое – нехорошо». Так наивно. Интересно, эта пугающая надпись могла бы кого-нибудь остановить?

– Я веду. А что ты туда писала?

– Да так, в основном, стихотворения.

– О! Ты пишешь стихи?

– Да так чуть-чуть!

– Почитай хоть один. Пожалуйста!

Я с трудом пытаюсь вспомнить хоть одно из своих стихотворений этого периода.

– Ну вот...

Склею парусник бумажный

И весной на склоне дня

Приплыву к тебе однажды

И полюбишь ты меня.

Будет парус развиваться

Алый – цвет моей крови

Ты же будешь дожидаться

Лишь меня, моей любви.

Будет ветер гнать играя,

Парус за собой маня.

Ты меня еще не знаешь,

и не знаю я тебя.

Ты меня полюбишь вскоре

Один раз и навсегда

И любви огромной море

Не иссякнет никогда.

– Как здорово!

– Думаешь?

– Ага! А я немного стесняюсь, что веду дневник. По- детски как-то.

– А что тут такого, если тебе нравится? Между прочим, многие известные люди вели дневники. Вот, например из писателей: Цветаева, Ахматова, Барто.

Звоноooooooooоок!!!

3.

В этот раз я умнее, поставила машину за два квартала, во дворах.

Но вот другая незадача – по дороге из школы меня остановила милиция.

Я достаю из сумки документы и выхожу на встречу к служителю закона. По правилам, я бы могла этого не делать, но он попросил выйти. Он приветствует меня, но выражение на его лице вдруг резко меняется.

Он, прищуриваясь, наклоняется ко мне:

– Это еще что за фокусы?

– Что?

– То! Школьница за рулем. Чья машина? Мамина? Покататься взяла?

Тут до меня доходит, что я...в школьной форме, а что – я к ней уже привыкла, вполне удобная.

– Машина моя!

– А документы чьи, сестры? Ты мне что тут – будешь сказки рассказывать? Проходи в машину, будешь с начальником разговаривать!

– Подождите! Во-первых, никуда я не пойду. Во-вторых, не тыкайте мне, пожалуйста. Я могу объяснить, чем вызван мой внешний вид.

– Да уж будь добра...добры...

– Я журналистка. В ходе рабочего эксперимента мне пришлось несколько дней находиться в школе, среди ребят. Поэтому я в школьной форме. Вот, пожалуйста, посмотрите удостоверение, если вам прав недостаточно.

– Эксперимент, говоришь... – он задумчиво поскреб щеку. – А давай мы в ходе эксперимента машину на штрафстоянку заберем.

– За что?!

– Нарушение общественного порядка! Машину заберем до выяснения обстоятельств, а сами в школу с тобой съездим, уточним.

– Что!? А если бы я в костюме клоуна ехала, вы бы меня в цирк отвезли!?

– Ну, еще заодно на экспертизу заедем...

– На какую?

– На алкоголь.

– То вы сомневаетесь, что я совершеннолетняя, то на экспертизу. Сразу вас предупреждаю, что я не выпиваю. Вообще.

– Ну знаешь, это мне решать.

– Решайте, только протокол я подписывать не буду. У меня документы в порядке, правил я не нарушала, машина чистая. Да, кстати, огнетушитель и аптечка тоже есть. За что вы хотите меня задержать?

Мне надоело уже стоять на обочине и вести диалог, видимо ему тоже. Он стал поглядывать в сторону дороги.

– Журналистка говоришь?

– Да?

– В газете?

– В журнале.

– Небось, про нас всякое пишете?

– Не пишем. Мы пишем о здоровье, фитнесе и правильном питании.

– Что-то лицо мне твое знакомое...

– Я еще на телевидении от нашего журнала раз в неделю телеколонку веду.

– А! Вон оно что. Узнал-узнал.

– Ладно, езжай давай... Валентина, – сказал он, еще раз взглянув на права.

Ну и денек, и это еще не вечер, который я чувствую, будет полон сюрпризов.

Ускользнуть пораньше не получилось. Дискотека в семь, а Антон пришел домой в шесть. Зато есть, чем порадовать – на ужин запеченная с картошкой курочка.

Я оделась просто: серые джинсы, белая майка и джинсовая куртка. Собрала волосы в высокий конский хвост. Краситься не стала, не в клуб же, в конце концов.

– А ты куда? – щелкая пультом, спросил Антон.

– На дискотеку?

– На дискотеку!?

– Да я в школу, ненадолго.

– Ой, что ты с этой школой! Ты же обещала на три дня, а сегодня четвертый. И вообще, на вечера мы с тобой не договаривались. Лучше бы в кино сходили. Может, пора сдаваться и выходить с поднятыми вверх руками?

– Мне Алла приказала, я бы сама с удовольствием дома повалялась на диване.

– То она по вечерам уроки делает, то по дискотекам ходит!

– Я один раз. Зато мне отгул дадут. Все я побежала! Люблю тебя!

– Во сколько будешь?

– В девять!

Хороший мне муж попался! Впрочем, почему попался, я сама мечтала сначала о таком, а потом выбирала тщательно. Бурчит иногда, но всегда меня поддерживает. Про драку ему естественно ничего не расскажу, а то не пустит.

– Ну, наконец-то! – Лиза стояла на остановке возле школы, ждала меня.

– Я не опоздала!

– Да, это я что-то рано вышла и замерзла!

– Конечно, ты бы хоть куртку взяла.

– Ты прям как моя мама! Она мне тоже пыталась куртку вручить...

– И была права! В одном топике весенним прохладным вечером. Соплей давно не было?– мы бодрым шагом спешили в сторону школы, где уже было слышно, как настраивают аппаратуру.

Возле школы толпились парни из старших классов. Часть стояла за зданием, в отдалении.

– Оооох! Что же сегодня будет! Мальчишки настроены решительно.

Я промолчала.

Мы пошли в нашу классную комнату, чтобы оставить вещи, вернее мою куртку. 10 «Б» был практически в сборе, не хватало только нескольких ребят и Жанны с сопровождением.

– Вот так прикинь! – Миша сидел на парте и размахивал руками. – Карнавала не будет! Карнавала неееет!

– А может оно и к лучшему? – сказал кто-то из ребят.

– Может, к лучшему, но честь школы тоже надо отстаивать, чтобы на районе уважали, а так получается, будто 121-я струсилась. Интересно, как инфа просочилась?

Ой, я, кажется, знаю, про что ребята говорят. И боюсь дышать, и боюсь слушать – я до сих пор не уверена, что правильно поступила, вмешавшись в школьную жизнь. Может, тетя Валя, надо было дома сидеть? Желательно всю неделю, отказавшись от сомнительного эксперимента... Но, если сказать словами ребят – «поздняк метаться».

– А слышали, директор старшаков 24-ой предупредил, если хоть кто-нибудь нос сунет на территорию нашей школы, то сразу исключение?

– Ой, да прям! Кто перед ЕГЭ исключать станет? – вмешался Влад.

Арсений рывком спрыгнул с учительского стола, на который имел смелость присесть.

– В общем, ладно, пошлите на дискотеку, что время терять? Мы теперь в полной безопасности, там за школой даже две патрульки дежурят!

– Да ты че, братан, честно что-ли? – Миша даже присвистнул.

– Да! Сам видел! Наша милиция нас бережет!

– Нет! Не так! Наша Ирина Викторовна нас бережет!

Класс, разбившись на группы, потянулся в сторону гроыхающего музыкой спортзала. Отличница Олеся закрыла окна, выключила свет и закрыла на два оборота дверь. Лиза о чем-то шепталась с девчонками, а я шла чуть позади, обдумывая, как завтра сознаться ребятам?

В боковом коридоре, мне показалось, я видела Жанну. Одну. Она стояла, прислонившись лбом к темному окну. Странно. Плачет? Нет, это вряд ли...

– Слушай, – я дергаю Лизу за рукав. А там не Жанна?

– Она. Девчонки только что рассказали, что ее Ирина Викторовна вызывала и хорошенько пропесочила за все ее дела. Оказывается, у нее уже не первая жалоба была, может даже, родителей будут вызывать в школу. В общем, ее лучше не трогать сейчас, а то еще ужалит...

– Слушай, а почему Жанна так себя ведет?

– Ты знаешь, я не в курсе подробностей, но поговаривают, что у нее очень занятые и строгие родители. Им некогда ей заниматься, потому что они все время в разъездах. Мама директор чего-то, а папа где-то в каких-то структурах работает. Так что она их практически не видит.

– А с кем она живет?

– С ними и с бабушкой, которая ее всячески балует и прикрывает. Жнана, с одной стороны пытается своими поступками привлечь к себе родительское внимание, а с другой – она боится родителей, папа говорит, у нее очень строгий.

– Не очень понимаю.

– Ну, если честно, никто не понимает. Заметь, учится-то она более-менее нормально.

– Да, она вообще как я вижу не глупая девочка. Ой, ладно, хватит о ней болтать, а то, как сплетницы.

– Да ладно, это все знают.

Бумс-бумс-бумс-бу-бу-бумс-бумс-бумс. Какая чудовищно однообразная музыка... Еще пять минут и мой мозг взорвется. Девчонки нашего класса встали в круг и в центр на пол положили свои вещи – кто сумку, кто клатч, кто кошелек. Лиза тянет меня танцевать, а я... так не умею. Движения вроде простые. Первое: просто переминаемся с ноги на ногу и плаваем руками. Второе: руки перед собой и быстро-быстро трясем попой и двигаем тазом вперед-назад, что-то наподобие африканских ритуальных танцев. Ужас. Если честно. Третье: опять перетаптываемся на месте, руки над головой, пальцы pistolетиками и закатить глаза, по-моему, обязательно. Впрочем, первый вариант, я наверно, осилю... Я смотрю на одноклассниц и пытаюсь копировать их движения. Минут пять – и я понимаю, мне нравится, у меня здорово получается. Мне нравится дурачиться и танцевать под самую свежую музыку. И что я дискотеки не хожу? Уже года два точно не была, а видимо стоит! Диджей, он же мой «друг» Егор, объявляет медленный танец. Ой, как хорошо, наконец-то, хоть воздухом подышу. Полчаса безостановочных танцев, вот это фитнес. Но не тут-то было. В темноте и мерцании стробоскопов кто-то хватает меня за руку и резко разворачивает.

– Потанцуем? – громко говорит он, крепко держа меня за локоть.

– Полегче! – я пытаюсь освободиться от его захвата.

– Страшно?

– Не очень! Но не надо так резко дергать!

– Смотрите, какие мы нежные! Как шпионить, так она смелая! – мы начинаем топтаться под музыку.

– Что? Что тебе надо?

– Мне? Правды. Впрочем, нет. Правду я и сам знаю. Погуглил немного...и ого! Что выясняется – журналист из глянцевого издания у нас в школе. Какая неожиданность! Что скажешь?

– А что ты хочешь услышать? Ничего личного...

– Ничего личного? А что ты тогда Сеньке нашему мозги паришь?

– Я? Сеньке? С чего ты взял?

– С того уже вся школа гудит.

– Ты ерунду какую-то несешь! Все, у меня голова кружится – я делаю попытку закончить наш нелепый танец и разговор, но Егор меня не отпускает. А парень он сильный. От него резко пахнет дезодорантом с морским запахом. Мне это не нравится все. Начинаю задыхаться.

– Значит, не по Сеньке шапка. Так выходит?

– Выходит.

– А еще выходит, что ты дреку рассказала про стыковку с двадцать четвертой школой? Так?

– Возможно.

– А давай я сейчас вернусь к пульту, вырублю музыку и все расскажу.

– И чего ты этим добьешься? Я и так сама все расскажу. Тем более Ирина Викторовна в курсе.

– Ну как чего? Всеобщего позора?

– Вот тебе оно надо? Что ты пытаешься доказать?

– Я? Ничего? Просто обижать людей нехорошо, ведь так?

– А кого я обидела?

– Арсения, как я говорил. Жанну!

– А она-то причем?

– Ей, между прочим, нравится Арсений, а она нравится мне!

– Так в чем проблема? Твоя Жанна сама, кого хочешь, обидит. Между прочим, я видела ее на втором этаже, в рекреации, одну. В расстроенных чувствах, как мне показалось. Так что лучше время не терять. Действуй!

– Честно? Видела ее там?

– А-то!

– В общем, давай так, обещаю, что завтра сама все расскажешь или это сделаю я.

Прилюдно.

– Обещаю. На крови клясться, надеюсь, не надо?

– Забей...

С этими словами он отпустил меня и исчез.

Я незаметно ускользаю из спортзала. Двери за мной закрылись с грохотом. В коридоре прохладно, тихо и неярко горит холодным светом одна лампочка, пощелкивает: Чик-чик-чик. Я прислоняюсь спиной к холодной стене. Двери вновь открываются, и выходит Арсений. У него блестят глаза, он немного взъерошенный, и от того смешной.

– А ты чего одна скучаешь?

– Я не скучаю. Жарко просто. Душно. Нечем дышать.

– И мне нечем, – говорит Арсений и неожиданно целует меня губы.

Я резко срываюсь с места и натываюсь ...на Жанну. Одного взгляда мне достаточно, чтобы понять, что она готова разорвать меня на мелкие клочки.

Разворачиваюсь и влетаю обратно в спортзал. Здесь темно, встаю у стены в дальнем углу и пытаюсь отдышаться. На губах горит поцелуй, сердце выскакивает, ноги подкашиваются. Точно как у школьницы, только по другому поводу. Это то, о чем Антону точно знать не стоит. Ужас какой! Все, теперь я точно не понимаю – кто я и что я здесь делаю?

5.

Вернулась домой и сразу легла спать. Проснулась от страшного сна: ко мне со всех сторон ползли жучки: божьи коровки, майские, короеды и всякие другие. Я от них пыталась бежать, а они были со всех сторон. Запутывались в волосах, залезали под одежду, пытались забраться в уши. Как жутко! Ночь разделилась на два неравных отрезка. Короткий – тот, в который я немного поспала и длинный – тот, в который так просто уснуть не получится.

Я выскользнула из кровати. Взяла из шкафа мягкое плюшевое одеяло и пошла на балкон, в кресло-качалку, успокаиваться. Я взяла с собой ноутбук и неожиданно для себя написала небольшую сказку, точнее притчу. Так нас учили в институте. Что можно «выписать» все наболевшее в виде сказки и полегчает. И вот я написала притчу. Про подростков... Или мне так кажется?

Все так ждали весны...

Семья приехала к бабушке на дачу. Только приподняли над землей свои головы в нежных кружевных чепчиках первые подснежники.

Бабушка достала деревянный ящик, где лежали пестрые пакетики. Она долго их перебирала пока не выбрала один, на котором были изображены подсолнухи. Бабушка высыпала семечки в блюдце, налила теплой воды и укрыла сверху ватой, как одеялом. Но она не заметила, что в пакетике осталось одно семечко.

Семечке стало страшно одной, когда она проснулась, а никого рядом не было. Но она лежала тихо и вспоминала лето – солнечное и прекрасное.

Пришел апрель. Настало время высаживать давшую крепкие ростки рассаду. Бабушка высадила ростки подсолнуха вдоль забора. Потом взяла деревянный ящик и стала высевать цветы. Она хотела выкинуть пустой пакет, но заметила, что там есть одно семечко. Бабушка достала его, положила на землю, чуть присыпала и полила из лейки. Семечка от воды проснулась. Сначала ей было неприятно, но она почувствовала, что находится в земле, значит, кто-то о ней позаботился. Внутри нее стало что-то зреть.

Прошло немного времени и из семечки проклюнулся росток. Он пробился сквозь землю и подставил свое лицо солнцу.

– Эй! Ты кто? – донеслось откуда-то сверху.

– Я – семечка! – сказал росток и поднял голову.

Сверху на него смотрели подсолнухи. Семечка обрадовалась, ведь это наверняка ее друзья, а может и родственники!

– Ты? Семечка? – отозвался самый большой подсолнух.

– Да!

– Нет! Ты бледный хилый росток!

– Нет! Я – семечка.

– Из семечек вырастают такие как мы. Большие и красивые.

Семечка расстроилась, отвернулась и решила больше с ними не разговаривать. Зачем? Если они не верят. А она нисколько не сомневалась, что тоже станет подсолнухом. Семечка все время смотрела на солнце. Ей казалось, что оно подмигивает ей и поддерживает ее.

Семечка чувствовала, что с каждым днем становится все сильнее.

Настал август. Бабушка садовыми ножницами стала срезать головки подсолнухов.

– Смотрите! – закричал большой подсолнух. А росток и впрямь стал подсолнухом!

– Да! Точно! – ответила остальные.

– А почему вы его не срезаете?

«Просто иногда, чтобы созреть, нужно больше времени» – как будто услышав вопрос, сказала бабушка.

Семечка стояла под осенними лучами солнца и наблюдала, как собирают урожай.

Она знала, что скоро зима.

А потом весна, которую всегда так ждут...

ПЯТНИЦА

1.

Кофеварка булькает, а чайник готов перейти на визг. Мама бы сказала, что нелогично в одной квартире и то и другое готовить. Я за свободу выбора. Если мой муж любит чай, пусть пьет чай. Дело не в логике, а в удовольствии. Сегодня с удовольствием выпалась – мне сегодня идти с признанием в школу. Это необязательно делать на первом уроке.

Выглядываю в окно. Идет старушка с бидоном. Видимо, ходила по старой памяти за молоком. С утра машины приезжают к магазину. Только молоко выдается разлитое по бутылкам, в бидон давно не наливают. И вот она логика, в бидон... ставится бутылка! Кстати, говорят, встретить с утра женщину с пустым ведром, или другой тарой, к неудаче. Как думать? Я же не встретила, а просто из окна увидела. Бидон пустой, но бутылка полная. Считается или нет?

Сегодня с удовольствием собираюсь. Надеваю джинсы, туфли на каблучке и короткую кожаную куртку. Укладываю волосы и, наконец, наношу макияж. Кстати, в нашем классе было мало тех, кто не красился. По дороге заезжаю в магазин за тортом. Хотя уверена, что ребята в качестве «отступных» с большим удовольствием приняли бы пиццу. Но вот не знаю, как отнесутся к этому учителя. Не буду рисковать. Главное, надо поговорить с Арсением до того как со всеми. Я всю ночь не спала и думала, что вообще произошло.

Пришла в школу к третьему уроку. И не одна. Со мной мой приятель фотограф Вадим. Он должен сделать фото для журнала, чтобы был эффект присутствия. Он всегда меня выручает. Вообще-то он – оператор, у него своя небольшая студия, он снимает

рекламные ролики иногда сюжеты для новостников. Когда я прошу его съездить со мной на выезд, он мне никогда не отказывает. У нас есть редакционный фотограф, но он сидит в студии, его на репортаж и шоколадкой не вытянешь. Да и как фотографирует Вадим, мне больше нравится.

До звонка на перемену оставалось около пяти минут. Охранник на входе уставился на меня в упор, но молча нас пропустил. Вадим настраивал фотоаппарат и немного отстал. Я поднялась на второй этаж и перед кабинетом английского увидела Арсения и Егора. Черт! Не успела! Неужели он все рассказал?

Егор, увидев меня, похлопал Арсения по плечу и тут же скрылся. Арсений стоял спиной.

– Слушай... Я не знала, что все так получится... – начала я.

Он молчал.

– Арсений!

Я встала перед ним.

– Что?

– Извини меня, пожалуйста.

– За что? За то, что я, как дурак, первый раз в жизни влюбился? Да пожалуйста!

Легко! Раз и все! О-па! Все как было.

– Арсений!

– Что, Вероника? Или как там тебя... вас?

– Валя...

– У тебя, небось, и дети есть?

– Нет.

– Муж?

– Есть.

– А вот наверно и он! – Арсений кивнул в сторону Вадима.

– Нет, это мой фотограф.

– Мой фотограф... – передразнил Арсений.

– Ну чего ты?

– Ничего! Все здорово! Так вот Валя. Ничего страшного не произошло. Можете жить как дальше! – бросил Арсений и направился в сторону лестницы.

Я схватила его за рукав, он резко отдернул руку и ушел.

Зазвенел звонок. Коридор сразу ожил – наполнился топотом, разговорами и визгами первоклашек. Я пошла к Ирине Викторовне отчитаться о проделанной работе, и сдать форму.

Со звонком я вошла в кабинет к 10 Б. Сейчас самое тяжелое.

Учительница английского смотрит на меня вопрошающе. В классе гробовая тишина. Я стою спиной к доске, держу торт и не знаю, что сказать. Вся задуманная речь, та, которую я подготовила для этого, забылась. Но она и не подходит. С ребятами надо по-простому.

– Ребят! Я вам должна кое-что рассказать. Дело в том, что я на самом деле никакая не новенькая, я журналистка и пришла к вам в класс по заданию редакции.

Со своего места ракетой сорвался Миша:

– Я говорил! Говорил!!! Я же вам говорил, что что-то не так. Какая-то она другая.

А вы мне: обычная!

Мальчишки пожали плечами.

– Да!?! – откашлялась учительница английского. – Как интересно! А почему нам не сказали?

– В курсе была только Ирина Викторовна. Мне надо было побыть в среде современных подростков и написать об этом статью. Этой «средой» и оказался ваш класс, совершенно случайно. Но я рада, что попала именно к вам.

Я встречаюсь глазами с Лизой, она машет головой... и улыбается. Я же говорила – нормальная девчонка. Остальные ребята молчат.

– Так вот, спасибо вам большое, что участвовали, сами того не зная, в этом эксперименте. Как статья будет готова, я вам обязательно принесу. Если вам, конечно, интересно!

– Интересно! Неси! – закричали ребята.

– НесиТе... – поправил Миша.

– Да ладно все свои – улыбнулась я. Тут я заметила, что нет Жанны и ее девчонок. И Арсений, кстати, так и не вернулся.

– Ой! – вздохнула учительница. Я если честно так переживала за твой английский и подумывала, что же мне с тобой делать. А теперь даже как камень с души свалился.

Мы дружно засмеялись.

– Ладно, – сказала она. Даю пятнадцать минут на поедание торта, а то вы же до перемены не дотерпите. Только одно условие с этой минуты и за столом общаемся только на английском. О.кей?

– О.кей! – откликнулся класс.

Олеся уже разрезала торт, а ребята ждали с салфеточками своей порции.

Я прошла на свое место. Мы обнялись с Лизой.

– Эх! Я так обрадовалась что у меня, наконец, подружка появилась. А подружка-то взрослая.

– Ну, есть немного!

– Все равно, ты мне очень нравишься!

– И ты мне! Слушай, у меня тут одна непонятная история произошла. Я тебе хочу рассказать.

Мы с разрешения учительниц тихонько выходим из класса.

У окна напротив двери стоит Егор.

– Что доигралась?

– Что?

– То!

– Где Арсени?

– На звезде!

Лиза не выдержала:

– Блин, Егор, можешь по-нормальному разговаривать?

– Арсений пошел в 24ю.

– Один? – поинтересовалась я.

– А с кем? – удивился Егор.

Мы с Лизой выбежали из школы. Вообще-то я не хотела ее брать. Но ведь не знаю, где эта чертова 24-я школа!

Я дала Вадиму кое-какие ценные указания, и мы рванули через спортивное поле. Я на шпильках. Очень неудобно. Пришлось снять и бежать босиком. Сейчас каждая минута на счету. И чего он туда пошел? Что и кому доказывать? Один!

На полпути нас догнал Миша, говорит, что почуял неладное.

Все-таки бидон был не к добру.

Миша вел нас каким-то коротким путем, и минут через семь, мы оказались у гаражей. Там нам предстала такая картина. Парней, человек десять, Жанна, Карина и Аня, все стояли, окружив Арсения.

– А вот и твоя дама сердца! – воскликнула Жанна. – Смотри, явилась, не запылилась. Или ...запылилась... – сочувственно добавила она, глядя на мои босые ноги.

– Она не моя дама, – произнес Арсений.

– Смотри, как запел птенчик, теперь открещиваться будешь?

Чужие ребята, крупные довольно, надвигались, постепенно и нас, смыкая в кольцо. Так мы, теперь уже вчетвером, оказались в центре. Я осмотрелась, что-то они не похожи на школьников, повзрослее будут. В разговор они почти не вмешивались, молча выполняя приказы Жанны.

– Ну, так что, спасатели Малибу, с чем пожаловали?

– Ни с чем, – сказала я. – Жанна, может, хватит играть в эти игры? Я уверена, что ты добрая и хорошая девочка и нарочно так себя ведешь

– Нет! – прошипела Дана. – Это ты хорошая и добрая девочка! А я плохая и злая. И не жди от меня пощады.

– Да не боюсь я тебя!

– И зря! Искалечим тебя и так запугаем, что заикаться станешь.

– Э! Хорош! – вставил Арсений.

– А тебя вообще не спрашивали! – взвизгнула Жанна.

– Зря ты угрожаешь! Это, между прочим, наказуемо! – сказала я.

– И вообще ты не знаешь, кем связываешься. Между прочим, Вероника – журналистка известного издания – еле сдерживая себя в руках, сказал Арсений.

– Ага! А я – балерина. Что-нибудь правдоподобнее придумай. Будешь тут щас свою подружку выгораживать.

Жанна смерила меня взглядом и сказала своим качкам:

– А давайте их свяжем!

– Может, не стоит? – тихо спросила Карина.

– Стоит! Еще как стоит!

Один из качков вытащил из кармана бечевку. Мне эта ситуация все больше стала казаться нелепой, как в индийском кино. Это же надо в такое ввязаться?

– Давай сладкую парочку вместе! Ну и тех двоих тоже, между собой.

Так мы с Арсением оказались спиной к спине. Я обулась и теперь с ним была почти одного роста. Связаны. Он взял мои руки в свои.

Хоть бы один прохожий прошел! Но видимо, сюда, за гаражи, просто так не ходят. Дальше за ними, пустырь, так что даже кричать бесполезно. Качки по команде Жанны, стали набирать мелкие камешки, а их здесь завались – вся территория усыпана гравием. Кидать будут?! Да нет, не посмеют! Вот теперь у меня стало вскипать все внутри. Такие, значит, порядки?! Я вижу, что Лиза сейчас расплачется. Все-таки зря я ее с собой взяла. Да и кто мог знать, что здесь все серьезно. Меня всю аж затрясло.

– Не бойся! – шепнул Арсений.

– Да ладно, – ответила я. Боковым зрением я увидела микроавтобус Вадима. Как вовремя!

Жанна вокруг нас написывала круги и шипела:

– Может, заклеим им рты? – обратилась она к своим телохранителям. У вас же есть с собой скотч? Или разденем? Обмажем чем-нибудь сладким нашу сладкую парочку, а то ишь, прилипли друг другу. А потом выложим на Ютуб.

Вадим резко выскочил с телевизионной камерой, в десять шагов оказался рядом, включил фонарь и тут же начал снимать происходящее. Ребята оторопели на пару секунд и тут же бросились в рассыпную. Жанна растерялась, посмотрела по сторонам и стала молча нас развязывать. Вадим подошел ближе, взял ее крупным планом. Руки у нее не слушались.

– Сегодня ты станешь звездой! Тебя покажут по всем каналам! – гордо сказал Вадим. – Улыбнись в камеру!

– Нет! Нет! – закричала Жанна, и бросилась в сторону к гаражам. Но там был тупик.

– А я еще и на Ютуб выложу, – добавила я ее словами.

– Нет, только не это! Меня папа убьет!

– Ты сама создала себе проблемы.

Жанна была в растерянности. Может, впервые в жизни, она чего-то испугалась. Она сползла по стенке гаража и оказалась сначала на корточках, а потом и вовсе уселась прямо на землю и, закрыв лицо руками, рыдала и била руками по земле. Одним словом у нее началась настоящая истерика. Выглядела она ужасно – с размазанной тушью, растрепанными волосами, с одеждой испачканной грязью. Такое ощущение, как будто на нее напали, а не на нас. Я так и не поняла, это раскаяние и осознание своей неправоты или просто страх перед предстоящими разборками в школе и с родителями.

Все остальные потихоньку приходили в себя. Вадим звонил в редакцию.

– Здорово ты придумала с телевидением! – сказала Лиза.

– Да уж. Так случилось. Хорошо, что Вадим на машине рядом был с оборудованием!

Арсений сам подошел ко мне:

– Прости, что я с тобой грубо утром разговаривал.

– Да ладно. И ты прости, что так получилось.

– Нам надо с тобой поговорить серьезно.

– Давай ...потом. Я не могу сейчас разговаривать. Мне надо успокоительное выпить.

Как-то дико все получилось.

– Хорошо...потом.

Жанну мы не стали удерживать. Она сама тихо ушла. Вадим добросил нас с ребятами до школы. Я пересела в свой автомобиль.

Казалось бы, на этом месте история должна бы и закончиться, но меня ждал еще один сюрприз.

3.

Подъезжаю к офису, думаю – сейчас расскажу девчонкам, они ни за что не поверят в мой триллер. Но писать я об этом не буду, точно.

Открываю дверь.

Та-дам!

Мне в лицо летит серпантин, взрываются хлопушки, кругом шарики с золотыми лентами.

– Ура! Ура!

Наша редакция явно в ударе. Вроде, никаких праздников не намечалось.

– Это еще что такое?

Мне навстречу выходит Алла с двумя фужерами шампанского. Один протягивает мне.

– Спасибо, я за рулем.

– Поздравляем тебя! Ты успешно выполнила задание. И теперь ты назначаешься главным редактором в новый журнал для подростков. Издатель уже утвердил твою кандидатуру.

– Ура! – вновь закричали коллеги.

– Стоп! Я ничего не поняла...

– Это было специальное задание на стрессоустойчивость. Сможешь ли ты общаться на равных с целевой аудиторией. У тебя прекрасно получилась. Поздравляем.

– Шутите? Да?

– Нет, все серьезно!

– Что значит... получилось? А разве нельзя меня было поставить с известность. Это двойная игра какая-то!

– Может, если бы тебя предупредили, ты бы усиленно старалась, а так вышло, как вышло!

– А ребята, они причем?

– Да что ребята? Все хорошо! Теперь у тебя есть свои советчики.

– Ну уж нет, спасибо.

Я развернулась, хлопнула дверью и спустилась вниз в столовую. После пережитого меня всю трясло. Даже не стала рассказывать о произошедшем. После всего того, вот что я вместе с ребятами оказалась втянутой, мне все это пришлось совсем не по вкусу.

Я взяла пирожное, чай и села в самом углу. Встречаться ни с кем не хотелось. Но через минут десять пришла Алла.

– Валь, ну не глупи. Будем считать, что ты не хлопала сейчас дверями.

– Хлопала...

– Считаю, что я не заметила. Я заинтересована в тебе как в работнике, давай без фокусов. Это на самом деле отличная должность и интересный проект.

– Я понимаю, просто все вышло как-то странно.

Я рассказала ей о событиях сегодняшнего дня. Все стало на свои места. Она оставила меня подумать. Чуть позже, успокоившись, я вернулась в офис и занялась текущими делами, сказав, что решение приму позже. Девочки старались не поднимать эту тему, мы работали в полной тишине. Только лопающиеся шарики от тепла в офисе напоминали об этом. В голове просто каша какая-то.

4.

«Хочется забыть сегодняшний день, как страшный сон. С одной стороны, желание стать главным редактором почти сбылось, с другой – таким странным образом» – с такими мыслями вечером покидаю офис. На улице темно и холодно. Я никак не ожидала, что на крыльце меня будет ждать Арсений. Он стоит, спрятав подбородок в воротник куртки.

– Ты чего здесь делаешь!?

– Жду тебя.

– Давно?

- С часок...
- А как нашел адрес?
- Погуглил!
- Так, а сюда, зачем пришел?
- А я так понял, что другой возможности встретиться с тобой у меня не будет. Так?
- Ну...
- Вот. Я так и подумал.
- Давай хотя бы уйдем отсюда.

Мы пошли к моей машине. Я так себя неловко чувствую, я даже и что сказать ему не знаю.

Мы в молчании дошли до машины, он начал говорить первый:

– Валь, если честно, со мной такое впервые. Я тебя люблю. Я понимаю, что я для тебя лишь подросток, но вот так вышло.

– Честно? Ты для меня не просто подросток. Ты классный...

Я сама понимаю, насколько это глупо звучит. Но так и есть. За эти дни он стал для меня чем-то большим, чем просто мальчик со школы. Или, это весна. Я...я, наверное, я даже немного влюбилась. Об этом страшно думать. А говорить? Нет, я не могу этого ему сказать. Тем более, есть Антон и все и так сложно.

– Хочешь сказать, что у меня был бы шанс, если бы мы были ровесники? Или, если бы ты не была замужем?

– Да. Но я старше тебя на семь лет, ты – школьник, а я замужем. Это какая-то странная ситуация.

Арсений стоял, переминаясь с ноги на ногу. У него были красные уши и нос. Он явно замерз, пока ждал меня. Я открыла машину, завела мотор и включила печку. Мы сели внутрь.

– Валь, я все понимаю, ты не будешь разводиться, и ждать, пока я вырасту и выучусь. Хотя семь лет не такая уж большая разница. Я просто хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя. Вот и все. Большого и не прошу. Знай...и все.

Даже не знаю, что и сказать, смотрю в окно, и вижу – к машине приближается знакомая фигура. Антон! С букетом цветов. Блиииин...

Он дергает ручку водительской двери и видит внутри Арсения. Я выхожу из машины.

– Это кто там сидит? – спрашивает он, нахмурившись.

– Это...мальчик со школы, – я не могу ему врать, а то потом еще хуже будет.

– Что значит, мальчик со школы?! Что он делает у тебя в машине? – спрашивает

Антон возмущенно.

– Мы разговариваем...

– А другого места нет? Валя! Что за дела?! Встретил, называется жену с работы...

Я молчу, так как мне сказать нечего.

– Давай поехали домой! Поговорить надо, – он сунул мне в руки букет и быстро зашагал к своей машине.

Арсений вышел из машины:

– Все нормально?

– Да так себе...

– Я так понимаю – муж.

– Ага...Мне надо ехать.

– Ясно. Помни, о чем я тебе сказал.

С Антоном все утряслось. Он у меня понимающий, хотя я ему сказала не всю правду – про конфликт рассказала, про Арсения – нет. Мы живем как раньше, все отлично. Я согласилась на предложение о работе и не жалею. Это действительно интересно – быть все время немножко подростком. Бывшие одноклассники мне помогают придумывать темы. С Арсением мы нормально общаемся, у него появилась девушка, хорошенькая такая. А Лиза звонит иногда, чтобы я ей помогла по русскому, ну и так, поболтать о том, о сем – у нас теперь так много общих тем...

Виктория Прохоренко

ДАЧНЫЕ ИСТОРИИ

Повесть

Случайная поездка на дачу к новой подружке изменила планы на лето и стала началом дружбы. Стоило Вике и Нике оказаться под присмотром бабушки, как возникли сотни идей, чем заняться. Выходных не хватит, чтобы успеть воплотить все затеи на Нижней даче. А ведь есть еще и Верхняя, но с ней связан какой-то секрет, раскрыть который им предстоит.

Дачные истории

повесть

1 глава

Как мы познакомились и подружились

У меня нет бабушки. Ни с маминной стороны, ни с папиной. Так и живу. Вернее жила, до тех пор, пока в моей жизни не появилась подружка Вероника. А вместе с ней и ее бабушка, которая постепенно стала и моей. Да, и дедушка у меня тоже появился!

Все началось с того, что мой папа пошел как-то в «наш» магазин за хлебом. «Нашим» мы его зовем, потому что он самый любимый из ближайших, а еще в нем работает добрая тетя Соня и всегда есть свежая выпечка. Там он случайно встретил своего старинного приятеля Пашу. Когда-то, довольно давно, они вместе работали и играли в ансамбле. Оказалось, что он переехал вместе с семьей в этот район и теперь тоже ходит в «наш» магазин.

Разговорились они, стали вспоминать свое прошлое, да так вспоминали, что дома стал остывать приготовленный мамой плов, а она начала ходить от окна к окну – не случилось ли чего? Но папа вскоре вернулся, рассказал про встречу и добавил, что нас пригласили всей семьей в гости. А семья у нас такая: папа, мама, старшая сестра Юля и я.

Мама все разузнала. У дяди Паши была жена и дочь-первоклассница.

– Между прочим, вы могли бы подружиться, – сказала мне мама.

– Подружиться? Мам, я вообще-то, в третьем классе учусь!

– Ну и что? Всего два года разница.

– Это большая разница, поверь мне. Первоклашка...

Через несколько дней мы вышли из дома, перешли через дорогу и через две минуты оказались в их дворе. Я думала, что они живут все же хоть немного дальше, а так даже прогулки не получилось. Дверь открыл дядя Паша. Он был очень высокий и большой, как баскетболист. Намного крупнее моего папы. Из-за ноги у него выглядывала маленькая, даже крохотная, девочка со светлыми волосами, собранными в хвостик, и темно-карими глазами. «Первый класс!? Детсад, старшая группа, не больше», – подумала я, и даже немного расстроилась.

– Вероника! – она представилась первой. У нее был звонкий тоненький голосок.

– Вика! – ответила я.

– А меня можно Никой звать.

– Хорошо.

– Пошли я тебе что-то покажу.

Квартира была однокомнатная, и, казалось, идти кроме этой комнаты было и некуда – маленькая кухня и ванная. Но в этой комнате было тайное место, за широкой портьерой и оно называлось почти волшебным словом – мастерская. Отодвигаешь тяжелую штору и словно оказываешься в другом мире. В левом углу, ровно, как телеграфные столбы, стояли рулоны тканей – красные, желтые, синие, в горошек, в ромашку, с блестками. На вешалках на стене висели детские комбинезоны и вечерние роскошные платья, на полу лежали стопки искусственного меха – под тигра, под рысь и снежного барса. В правом углу стояла электрическая швейная машинка, подходить к которой, было строго запрещено. Да и вообще трогать здесь что-либо без разрешения было нельзя. Здесь работала тетя Кира – мама Вероники. Она была портнихой. Мне казалось, что слово «портниха» тоже из сказки. Хотя тетя Кира больше походила на принцессу – маленькая, худенькая, красивая, с темными кудрявыми волосами и звонким смехом.

– Смотри, что у меня есть!

Ника достала небольшой атласный мешок и высыпала его содержимое на пол.

Вот это богатство! Куча лоскутков ткани, меха, пуговицы, кусочки искусственной кожи и шерстяные помпоны.

– Красота! – восхитилась я.

– Мы сейчас будем с тобой шить наряды куклам. Можно создать целую коллекцию.

Хочешь?

– Конечно!

– А умеешь?

– Нет, – тихо произнесла я, теребя в руках кусочек меха. Вдруг она передумает, узнав, что я неумею, и уберет все это богатство обратно в мешок?

Ника принесла коробку с нитками, иглами, ножницами и показала мне то, что она уже сшила. Одна кукла была в длинном трикотажном платье с меховой накидкой.

– Это мама помогла, – сказала она. – А вот это я сама! – она дала мне в руки куколку в синей юбке. – Это просто сделать. Даже шить не надо. Вырежем круг, а в нем еще круг.

Только ткань надо выбирать не сыпучую.

Мы позвали Юлю, но она, заглянув к нам за штору, не нашла в нашем занятии ничего увлекательного и пошла смотреть мультфильмы. Рукоделие – не ее. Мы занялись делом.

– Девочки, собираемся домой! – раздался вдруг мамин голос.

– Как? Уже? – в один голос сказали мы с Никой и рассмеялись.

– Мы же только начали! Мам, ну можно еще чуть-чуть? – с надеждой спросила я. Мне так хотелось завершить хотя бы один наряд!

– Вы и так три часа без перерыва играете! Уже поздно. Домой пора. Завтра в школу.

Мы расстроенные стали собирать все обратно в мешок.

– Приходи ко мне завтра в гости после школы. Мы доделаем и поиграем?

– Меня вряд ли отпустят!

Родители, к нашему удивлению, с обеих сторон были вовсе не против. Тетя Кира показывала моей маме новую шубу, которую купили ей на днях. Шуба была такая красивая – длинная, блестящая, как у кинозвезд на красной дорожке!

Тетя Кира дала ее примерить по очереди и Юле, и мне, и Нике. Ника, конечно, и так мерила, наверно, не раз, но за компанию всегда интереснее. Шуба давила своим весом мне на плечи, подол волочился по полу, а я чувствовала себя королевой в меховой накидке.

Мех таил в себе головокружительный аромат женских духов. Кот Дымок, кстати, тоже пропах теми же самыми духами. Этот запах, пришел с нами домой, следом, волочась тонким шлейфом.

Глава 2

Моя первая поездка на дачу

Так мы и стали дружить – папа с дядей Пашей, мама с тетей Кирой, а мы – с Никой. Наши папы на выходных любили поиграть на гитарах. Да к тому же тетя Кира предложила моей маме стать закройщицей. Она научила ее работать с тканью и подарила ей огромные красивые ножницы. Маме нравилось ее новое занятие, а мне нравилось ходить друг к другу в гости. Мы с Никой виделись все чаще и чаще. У нас появились сначала общие игры, потом прогулки, а потом и поездки на дачу.

Как-то раз вечером мы долго собирали пазл. За мной уже был должен прийти папа, как вдруг зазвонил телефон. Это была бабушка. Она попросила тетю Киру собрать дачные вещи для Ники. На выходные та уезжала с ними на дачу.

– А можно моя подружка поедет с нами на дачу?

Ответа я не слышала, но судя по ее улыбке, поняла – едем. Осталось отпроситься у своих.

Папа сразу дал свое добро, а это значит, что и мама будет «за».

Рано утром мы собирались в нашу первую совместную поездку. Путь предстоял не близкий – ехать около полутора часов.

Возле красной машины стояла Ника и ее бабушка – баба Оля. Она тоже была крошечной, ростом между Никой и тетей Кирой. Миниатюрная, в летнем ситцевом платье, с собранными в пучок белыми волосами.

– Ну, вот и наша Викуля! – добродушно встретила она меня. – Мы про тебя наслышаны.

– Здравсьте, – сказала я и смутилась, знаю же что надо говорить з-д-р-а-в-с-т-в-у-й-т-е! – здоровья желать. А оно само вылетает «здравсьте» это...

За рулем был дедушка. Он был не разговорчив и серьезен. На заднем сиденье нас в нетерпении ждал еще один важный пассажир – собака по имени Чибя. Черная с белым нагрудником, коротконогая дворняжка с непростым характером. Чибя, завидев меня, засуетился, порычал, но на дедов приказ «сидеть» откликнулся сразу, успокоился и улегся у бабушки на коленях. Но всю дорогу поглядывал на меня недобро. Все пространство между передними и задними сиденьями было заставлено коробками и кастрюлями, так что мы устроились, забравшись на сиденье вместе с ногами.

– Ну все, с Богом, – сказала бабуля.

Дед выжал сцепление, и мы с пробуксовкой выехали со двора.

– Деда, выключи аварийку, – говорит Ника.

– А... Это я нечаянно врубил. Ага, сейчас, – бурчит деда Витя в ответ.

Он всю жизнь был за рулем, но как говорит Ника, вокруг него все время возникает аварийная обстановка. И сегодня со всех сторон сигналили и фарили.

– Осел! – кричал он, высунувшись в окно, и грозил кому-то кулаком. – Прав понапокупают!

– Витя, Витя, – причитала бабушка. – Не бранись. Дети же в машине!

– Деда, ну ты же сам выехал на желтый свет! – вмешивалась Ника.

Я сидела и помалкивала. Дорога была длинная, но интересная. Первую треть пути мы ехали по городу, вторую – через поселки, а третью – по трассе, мимо полей, хозяйств и дачных массивов.

– Дедуля, – включи поворотник, – настойчиво руководила моя подружка.

– Знаю, знаю, – ворчал деда.

– Да не левый. Правый! Ты же направо поворачиваешь!

Ника не зря работала штурманом, это делало деда чуть боле собранным. Она любила ездить с папой и знала дорогу как свои пять пальцев, да и правила движения знала тоже. Дядя Паша обычно давал ей порулить на проселочной дороге, сажая на колени, когда вез семью на дачу. Как-то он взял и прикрепил к заднему стеклу машины деда наклейку «У». Дед было возмутился, но бабуля сказал: Пусть будет. На всякий случай... Это сработало, от учебной машины другие водители стали держаться подальше.

– А теперь пристегните ремни и держитесь за поручни! – скомандовала Ника.

Мы приближались к месту назначения. Вдруг я с ужасом поняла, к чему это она. Впереди был крутой спуск, а потом такой же крутой затяжной подъем. Американские горки отдыхают. Вдох вырвался у меня, а бабуля прошептала:

– Надо было вокруг озера объехать...

– Вот еще! Круги мотать, – отозвался деда и помчался вниз.

Чиба отчаянно лаял. Я на всякий случай закрыла глаза. Мне казалось, что мы ехали почти вертикально вниз и что вот-вот передняя часть машины уткнется бампером в землю, и она опрокинется. А дальше как в фильмах – нас будет крутить в салоне, словно в стиральной машинке. Но спуск оказался ерундой, по сравнению с подъемом. Машина громко рычала, а наши затылки вжались в подголовники, как бывает во время катания на карусели «Сюрприз». Автомобиль сделал два резких рывка, и мы оказались на ровной дороге.

Ладошки взмокли от пота.

– А вот и наша Нижняя дача! – закричала Ника. – Смотри, где синяя крыша!

– Почему Нижняя? – удивилась я.

– Потому что есть еще и Верхняя!

Бабуля почему-то тяжело вздохнула. Деда Витя резко дернул ручной тормоз, и мы с рывком остановились возле калитки, которая была перевязана проволокой.

Как мы пытались искупаться

1.

Дачу купили два года назад за небольшую сумму. Бабуля говорит, что такие места называют «неудобица» – с одной стороны неподалеку от участка был обрыв, с другой – уже знакомый нам глубокий лог. Бабуле с дедом она сразу приглянулась. Ничего, решили они, до обрыва – метров двадцать, не страшно.

Выбравшись из машины, мы в первую очередь побежали к обрыву – он был очень крутой. Внизу зеленело поле, словно разрезанное на две части извилистой рекой. Было очень тихо. После городского привычного шума тишина пугала. Настолько, что казалось, будто я заперта одна в комнате, обитой тканью или в кинотеатре. Но прошло несколько минут и звуки начали проявляться: вот тихо, нагибаясь под ветерком, шелестит трава, мимо, жужжа, летит неуклюжий шмель, слышно как журчит река и откуда-то, совсем издалека, доносится мычание коровы.

– Красотища! – вырвалось у меня. – Это место волшебное, как в сказке!

– А то! Мы еще сейчас с тобой вниз пойдем на речку купаться.

– Нам разрешат? Далековато ведь!

– Ну, мы бабулю уговорим! Она у меня добрая. Хотя нам придется в обход идти, по дороге. Вот был бы прямой спуск!

Десять минут ушло на знакомство с дачным участком – здесь яблоньки, там малина, крыжовник, ежевика и прочее. Все грядки были засажены. Дорожки – ровные и утопанные. Пять минут мы потратили на экскурсию по дому. Две комнаты и коридор. Еще чердак без лестницы, но нас туда не пускают. Деда Витя был как всегда в работе – он возводит дом сам, и все свое время на даче он занимается строительством. Как он говорит: Осталось пол положить и отделку сделать, ну еще второй этаж. Для Ники. Ну крышу и так, по мелочи... Но и так ясно, это надолго, потому что ему очень нравится возиться с этим. Нам не терпелось на речку. Но бабуля-то добрая-добрая, а купаться не пустила.

– Как же я за вами следить должна? Я вас даже в бинокль не увижу. А случись чего? Нет уж, девчушки сегодня без купаний. Да и по хозяйству у меня дел много. Не могу я с вами пойти.

Мы расстроились. Ника попыталась поканючить.

– Бабууууля...Ты ведь обещала...

– Ну, если сильно хотите... – недолго мучая нас запретом, сдалась бабушка. – Можете просто к речке сбегать, а деда за вами с дороги присмотрит.

– А ножки мочить можно?

– Ножки – можно. Но там, где мелко. И не пропадайте там. А то ваши мамы меня потом накажут.

Мы, сняв с ног сандалии, как две ракеты, умчались навстречу речке и нашему первому лету. Когда бежишь по дороге с горки – ветер свистит в ушах и ноги бегут сами, и хочется, чтобы дорога была длинной-предлинной... Теплая пыль, лежащая на дороге трехсантиметровым слоем, смягчает бег. Бежать нужно, взявшись за руки, а не следом, иначе того, кто будет сзади, накроет облаком пыли.

Вернувшись обратно, мы вновь пристали к бабуле с вопросом о купании.

– Бабуль, а на озеро можно мы ходим?

– На озеро – точно нет. Это только с дедом. И лучше – на машине.

– Но деда занят! – расстроилась Ника и надула губы.

– Да, внученька. Давай я его подготовлю сегодня, уговорю, чтобы завтра он вас на озеро свозил. А сегодня, если хотите, можете в баке поплавать.

Поплавать – это, конечно, было громко сказано. Большой ржавый снаружи, да и внутри тоже, бак был наполнен поливной водой. Он все время стоял под солнечными лучами, и поэтому вода была в нем очень теплой. То, что надо!

Мы весь день почти не расставались, даже в туалет – зеленый деревянный домик в конце огорода, бегали вместе, поджидая друг друга за дверью и переговариваясь. Это очень веселило бабулю. Ей очень понравилось, что мы вместе приехали. «Дача словно ожила!» – сказала она деду за обедом.

Но стоило Нике отправиться в туалет одной, как вся дача, да, наверное, и поселок, услышали истошный вопль: Ааааа! Спасите! Спасите! Деда! Срочно сюда! С лопатой! Деда!

Деда, бабуля и я наперегонки кинулись на крик. Я примчалась первой и замерла. В метре от Ники на дорожке лежала змея, не шевелясь и не подавая признаков жизни. Маленькими быстрыми шагами вперевалочку, появилась запыхавшаяся бабуля. Она увидела ту же картину и прошептала: «Не кричи и не шевелись».

Тут и деда с лопатой подоспел.

Ника, увидев его, зловеще зашептала:

– Дедуля разруби ее на кусочки!

- Чего это ты придумала! – спокойным голосом сказал деда. – Зачем его убивать? Это уж обыкновенный!
- Нет, деда, – со слезами на глазах шептала Ника. – Это же змея, и она меня испугала! Руби его, руби!
- Нельзя так внученька, – вмешалась бабушка. – Он же тоже жить хочет. Ну, заполз к нам на участок и чего? Это же его земля, степь. А вдруг у него детки? Потеряют его. Ника захлебывалась слезами и вся дрожала.
- А вдруг вы потеряете меня?!
- Так, отставить истерику. Давай два шага назад.
- Ника послушалась и, не разворачиваясь, попятилась назад.
- Деда наклонился, посадил ужа на лопату. Тот, кончиком хвоста зацепился за черенок, словно боялся упасть и удариться. Так деда его и вынес за забор и сбросил в траву.
- Теперь мы знали, что на любом шагу мы можем встретить ужа, а то и гадюку, как сказал деда, поэтому надо быть внимательными и стараться таких встреч избегать.
- Первый вечер пришел неожиданно быстро. В доме пахло мышками. Есть такой особый запах старых подъездов и частных домов. На потолке, на шнуре висела лампочка без абажура. На полу штабелями лежали доски, посреди комнаты стояли козлы, а большой обеденный стол был завален рабочими инструментами. Мы поужинали на краюшке стола, и бабуля стала готовить кровати.
- Так, Викуля ляжет на большую кровать, а тебе, Ника, я постелю на второй кровати.
- Нет! Почему это? Я хочу на большой!
- Но ты же всегда спишь на маленькой. Никуля, ты чего?
- А сегодня я хочу на большой, – сказала она и топнула ногой.
- Нет, Ника, так нельзя. Вике неудобно будет на маленькой. Она же выше тебя на голову!
- Мне все равно, – вмешалась я. Если честно, мне было не совсем все равно, потому что маленькая кровать была очень маленькой, но мне не нравилось, что из-за этого вопроса такой спор. Шум и споры не люблю. У нас дома с сестрой, когда что-то не могли поделить, все решалось по-простому: Сегодня – ты, завтра – я. Родителям даже не приходилось вмешиваться. Но у Ники-то нет сестры или брата, она не умеет соглашаться.
- Внученька, – добрым ласковым голосом продолжала бабушка. – Так нельзя себя вести. К тебе же гостя приехала, надо уступить.
- Но я же младше, значит, уступить должны мне.
- Но ты ведь хозяйка, а хозяйки так себя не ведут, – спокойным тоном говорила бабушка.

А Ника как давай навзрыд реветь. Мне срочно захотелось домой. К маме. Лечь на свою удобную кровать, укрыться плюшевым пледом и спать.

– Ох... Что же мне с вами делать? – бабуля присела на кровать. – Никуля, но ведь Вика не поедет в следующий раз, коли ты так себя вести будешь.

И точно не поеду, если она будет по всякой мелочи плакать, как маленькая!

Решено было так – мы обе легли на большой кровати и уснули, как выразилась утром бабуля, без задних ног.

2.

– Моо-лоо-кооооо!

– Сме-таааа-наааа!

– Твооо-рог!

С улицы доносился громкий протяжный голос. Я проснулась и поняла, что весь дом уже давно бодрствует. Глянула на будильник – времени было семь утра. Бабуля уже напекла сырников и вскипятила чайник. Деда поливает баклажаны.

– Баба Оля! А кто это кричал «моо-лооо-кооо»? – спросила я, выйдя на крыльцо.

Рядом находилась летняя кухня, на которой готовили еду и завтракали.

– Это тетя Гуля, из поселка, парное молочко принесла и творожок! Она каждое утро приходит. Пойдем я тебя покормлю. Небось, проголодалась уже, – и бабуля засуетилась, начала искать посуду, стряхивать марлей муку со стола.

– А Ника?

– Ничего, она проснется, я и ее покормлю. Садись, детка, не стесняйся.

Она была такая добрая и домашняя, вот какой и должна быть настоящая бабушка. Повезло же Нике! Я своих никогда не видела и знала о маминной маме лишь по ее рассказам, а папиной мамы не стало, когда папе было всего девять лет. Так что я без бабушки расту, а папа рос без мамы. Это еще ужаснее... Дедушек нет у многих моих одноклассников, но бабушка есть почти у каждого!

Буквально через пять минут из дома, потягиваясь, вышла Ника. Она была взъерошенная, заспанная, в байковой пижаме с нарисованными мышками.

– Бабуля, ну что вы все в такую рань встаете? Мне в доме скучно одной спать! – сонным голосом произнесла она.

– Кто рано встает, тому Бог дает! – ответила бабуля, разливая чай в чашки.

– А что он там еще нам дает? – поинтересовалась Ника, заглядывая в чашку с печеньем.

– Вот язык-то без костей: что хочет, то лапочет.

– Да ладно!

– Не надо так! Боженька все видит... И слышит!

– Ну, бабуля, я же шучу! – обмакивая сырник в клубничное варенье, сказала Ника. – Какой план на сегодня? Дедуля нас на озеро повезет?

– Он сначала по делам съездит.

– Куда?

– На Кудыкину гору – собирать помидоры! Что ты ему дорогу закудыкиваешь? Сотню раз тебе говорила...

– Ладно, ладно... далеко? – уже другим тоном вопрошала подружка.

– Далекое! – строго ответила бабушка.

– Ну, бабуля, так ведь нечестно. Я правильно спросила!

– Все давайте, идите играть. Буду со стола убирать.

У нас было запланировано несколько дел. Первое намеченное: нырнуть в клубничные грядки – собрать покрасневшие ягоды. С этим мы справились легко, всего нашлось на двоих восемь штук. Разделались с ними в два счета. Второе: мы хотели помочь бабуле, что-нибудь посадить.

– Нет, садить пока нечего, а вот полить – это да... Вон возле бочки есть чайники, можете из них... кусты смородины полить.

По всей даче в разных местах стояли емкости с водой. Во время дождя в них собиралась вода. Если в жаркие дни ее всю тратили на полив, то емкости наполняли из шланга.

Несмотря на то, что поливная вода была всегда, деда считал, что надо чаще использовать природную воду, чтобы экономить поливную. «Для общего блага Земли», – говорил он. «Нечего попусту ресурсы тратить. Пусть будет оборот воды в природе».

– А вот на Верхней даче – кругом стояли ванны с водой, – зачерпывая очередную партию, сказал Ника.

– Ванны?

– Да, ванны. Настоящие. Деда же раньше сантехником работал. Все ненужные ванны, которые оставались у заказчиков после ремонта, он забирал на дачу. Их там штук двадцать!

– Да ну! Двадцать ванн?

– И все в разных местах! Та дача она такая – выступами, и вот на каждом ряду по несколько. Какая под грушей, какая под сливой. А какая, и кустами малины заросла, не найдешь.

– Очень странно...

– Не, здорово. Это видеть надо! Люблю Верхнюю дачу. Но мы туда теперь не ездим. Бывает, совсем изредка. Только папа с мамой ездят – урожай собирать.

– Почему?

– Долгая история. Потом как-нибудь расскажу...

Мы побежали выполнять задание. Десять чайников, и один куст полит. Всего кустов было пять. Ох, и устали же мы – бегать с полными чайниками туда, с пустыми – обратно. Зато почувствовали себя особо важными работниками. Смородина должна вырасти сочная, сладкая.

– Бабуль, а что еще?

Запыхавшись от работы, мы еле волочили ноги, а хотелось еще сделать что-нибудь полезное.

– А теперь отдыхайте. Солнышко высоко поднялось. Головы напечет. Ой, а что же вы у меня такие лохматые? Давайте-ка, я вас приведу в человечески вид, а то, как обезьянки. У нас у обеих были длинные волосы, только у Ники – цвета пшеницы, а мои – обычные русые. Бабуля взяла деревянный гребешок и стала нас по очереди расчесывать и заплетать. Потом принесла по выглаженному платочку. Мне достался в горошек, а Нике – с цветами.

– Давайте на головы повяжем, и косички не растреплутся, и головы не напечет.

Потом это вошло у нас в традицию – в косынках ходить.

Ближе к обеду деда вернулся. Оказывается он ездил на строительный рынок за шифером. Мы бросили все свои дела и помчались переодеваться в купальники. До озера на машине ехать минут пять, а если пешком, то пятнадцать, а то и больше – по жаре и пыли. Чиб сидел на переднем сиденье и самоотверженно гавкал. С дач, мимо которых мы проезжали, раздавался ответный лай. Он поднял на уши весь дачный массив – все собаки, кто как – лаяли, скулили, визжали.

Озеро со всех сторон было окружено зарослями камышей. Здесь водились утки и много других птиц. Летом сельчане ловили рыбу и купались, а осенью озеро спускали, используя воду для полива полей перед сбором урожая. По весне набирали вновь. В нескольких местах был спуск к воде. Это и были места для плавания.

– Ну, девчонки! Ныряйте, – скомандовал деда. Чиба бегал по берегу, трогал лапой воду, но зайти не решался.

Мы бросились с визгом в воду, но у самой кромки остановились и переглянулись. Мы обе – не умели плавать! Спуск был илистый – крутой и скользкий, и сквозь толщу воды было видно, что почти сразу начиналась глубина. Деда стоял рядом, но мы и вида не подали, что нам страшно. Спустились, держась за руки в воду по пояс, и принялись барахтаться.

Сознаться было стыдно. Да и деда тогда в следующий раз и не повезет!

Метр в одну сторону, метр – в другую. Потом по два метра. Так булькались рядышком и вдруг стало получаться. Стали потихоньку отрывать ноги от дна и плавать. Сначала как лягушки, потом по-собачьи. У других на это уходят по несколько занятий на плавании, а у нас от безысходности получилось за раз!

По возвращению с озера почти сразу засобирались домой.

– Надо пораньше! Чтобы деду потом по темноте не ехать, – переживала бабушка, упаковывая оставшиеся продукты в корзину.

Счастливые и довольные мы возвращались домой. Наши выходные – удались!

Глава 4

Как мы сажали арбузы и готовили ботвинью

1.

Ровно через неделю мы вновь оказались на даче. Я уже не чувствовала себя так скованно, как в первый раз. У меня было ощущение, что я еду в знакомое место, принявшее меня за свою.

На даче нас ждало два приятных сюрприза. Деда постарался. Бабуля с дедом среди недели сами без нас ездили сюда на пару дней.

Во-первых, на краю обрыва он выкопал уступ, на верхний край прибил доску, и получилась замечательная лавочка. Во-вторых, словно услышав Никины слова – он сделал почти невозможное – прокопал на склоне ступени, сделав прямой ход к речке. Теперь путь до нее составлял три минуты, вместо пятнадцати – в обход. Мы были очень рады, но понимали, что ради нас деда Витя проделал огромную работу. Ему пришлось выкорчевывать высокие травы и коренья. Спустившись вниз, и сразу же поднявшись обратно, мы в визгом налетели на него и расцеловали. Он раскраснелся и пробурчал:

– Да чего такого. Так, путь хотел сократить.

Это потом бабуля нам рассказала, что он почти неделю копал потихоньку.

– Да, ему бы лишь бы рыть что-нибудь! – в сердцах сказала она.

– Ну, бабуля, это же он для нас старался! – воскликнула Ника.

– Старался-то да, – вздыхала бабушка. – Главное, чтобы снова за старое не принялся. Ты знаешь, к чему это порой приводит.

– Ты опять все про Верхнюю дачу?

– Да, про нее все, про нее родимую... – ответила бабуля и ушла готовить обед.

У бабули в комнате было много интересных вещей. Старинная швейная машинка, тяжеленная, с колесом и педалью. Именно на ней когда-то училась шить тетя Кира. Было много кружевных салфеток – на тумбочке, на подушке, на столе. Еще была большая коробка из-под обуви с надписью «СЕМЕНА». Бабуля нам разрешила посмотреть, что в ней. Там было много пакетиков склеенных из бумаги в клеточку и ручкой подписанных. Например, так «Цветы желтые с черной сердцевинкой любимые», «Морковь сладкая крупная», «Свекла соседская» и много других необычных названий. Нам понравилось особенно одно – «Арбузы белые очень сладкие». В пакетике лежали арбузные семена – маленькие, черные, липкие. Мы схватили этот пакетик и помчались к бабушке.

– Бабуля! Можно мы арбузы посадим? – спросила Ника.

– Никуль, я даже не знаю. Мы же давеча все уже посадили. Места нет. Да и вряд ли арбузы успеют вызреть. Их не так просто вырастить.

– Пожаааалуйста... – вместе канючили мы.

– Ну, попробуйте. Почва тут подходящая, песчаная. Я вам выделю место вон там возле забора, подле ежевики. Только вам придется сорняки выполоть самим и приготовить лунки.

Вооружившись тряпочными перчатками, за пятнадцать минут мы удалили все сорняки.

Впервые в жизни! Потом вскопали выделенный участок. Руками вытягивали корешки, а они не поддавались. Пришлось серьезно потрудиться. После все разровняли и сделали шесть лунок, как нам объяснила бабуля. В каждую лунку на дно мы положили по три семечка и присыпали землей. Полили теплой водой из баков. Завершив посадку, довольные, мы умчались на речку, прихватив с собой по бутерброду и взяв плед.

Если смотреть на реку сверху, с нашего обрыва, то видно лишь малую ее часть. Словно упитанная змея, она извивается внизу, но где начинается голова, и где кончается хвост, не видно. Они скрываются за поворотами. Склон, на той части обрыва, что находится рядом с дачей, не очень крутой, но довольно высокий и поросший травами. Если смотреть дальше вправо, но он становится все круче и круче и наконец, превращается в отвес. Его облюбовали стрижи, наделав в нем себе жилищ – круглых узких тоннелей, уходящих вглубь. Туда мы не ходим и сверху не смотрим, уж очень высоко, страшно. Петляя, к нему приближается река и омывает нижнюю часть обрыва. Об этом мы знаем, исследовав реку снизу. Там облюбовали место для купания мальчишки из села.

Мы купаемся ближе к даче – напротив нашей части обрыва, где лесенка и лавочка. Так деда и бабуля могут нас видеть. Да и «купаемся» не совсем верно. Речка горная, и вода в ней чистая, но холодная. Особенно по сравнению с озером, в котором невозможно докупаться до мурашек и синих губ. Поэтому в реке мы лишь окунаемся и то без головы. Она неглубокая, в среднем по колено, но есть места по щиколотку и по пояс. Глубоко – возле берегов, но мы туда и не приближаемся, потому что там высокая колючая трава и квакают лягушки, ну, и как мы подозреваем, там обитают змеи. Нам нравится место на песчаной отмели, по которому переходят реку коровы. Мы встаем посреди реки чуть выше этого места, там, где нам по колено, и ложимся лицом против течения. Держимся руками за дно, потом отпускаемся и плывем несколько метров. Затем повторяем это снова и снова. Накупавшись, всегда спешим сразу вернуться на дачу, потому что есть хочется – просто ужас какой-то. Вот и сегодня, голодные, ворвались на участок и сразу на кухню.

– Бабуля, есть что-нибудь пожррррать? – зарычала Ника, изображая звериный голод.

– Ника... – одернула ее я. Разве можно так с бабушкой разговаривать? Вот скажи я так маме, а тем более папе, ох и не сладко бы мне пришлось. Или как говорил папа «получила бы на орехи». Что это означает мне непонятно, но я стараюсь не получать на орехи.

А бабуля ей так спокойно отвечает:

– Кушанькать, Никуля, кушанькать!

– Бабуля, но я хочу не кушанькать, а жрать!

– Жрут только свиношники, у людей такого слова «жрать» нет в обиходе!

– Но и слова «кушанькать» тоже нет!

– Может, и нет. Но о еде так говорить нельзя. Вот во времена войны людям еды не хватало. Знаешь, как мы в детстве ценили каждый кусочек хлеба! Когда кусочек сахара погрызть – один на троих с братьями – это праздник! Нельзя так, внученька.

– Ладно, бабуля, не буду. Извини, – притихла Ника.

– Вот не зря же говорили: Хлеб – всему голова. Или: Хлеба ни куска, так и в горнице – тоска!

Я тоже вспомнила, как нам в школе в столовой повар всегда говорила:

– Каждую крошку – в ладошку!

– Правильно, Викуля, все правильно.

– А что еще ты рассказывала ели...мама...мама... – спросила Ника.

– Мамалыгу.

– А что это? – поинтересовалась я.

– Это такая каша из кукурузной муки. Ох, и наелись мы ее, – вздохнула бабушка... – А еще крапиву и лебеду ели.

– Это вот сорняк, который мы выпалываем?

– Да, он. И ботвинью готовили.

– Из ботвы! – догадались мы.

– Да, что-то вроде борща. Коренья берегли, а верхушки – от свеклы, моркови – в суп шли.

– Так что у нас «кушанькать»? – на этот раз вежливым тоном произнесла Вероника.

– Я сделала лапшичку с яичками. Руки мойте, деда зовите, да садитесь.

Мы быстро смели еду, убрали тарелки и, посоветовавшись, решили помочь бабе Оле на кухне. Она относилась к тем редким бабушкам, что не любят процесс приготовления еды.

Как она говорила: «Я лучше пять раз приберусь, два пропылесосу и посуду гору вымою, лишь бы не еду варить». Но она готовила каждый день. Три раза в день.

– Бабуля, а можно мы приготовим на ужин что-нибудь сами?

– Да готовьте, кто ж вам не дает!

– А ботвинью можно?

– Можно.

– А с тушенкой? Как ты на Верхней даче делала, можно?

– Можно.

Мы нарвали джусая, лука, укропа, петрушки – всего понемногу. Ботва свеклы и моркови еще была совсем нежная, но и она пошла в ход. Побольше зелени! – так нам хотелось. Видя, как мы пытаемся почистить картошку, бабуля пришла на помощь. Готовить мы не умели. Я могу пожарить яичницу и сделать оладьи. Ника и того не умеет. А дальше, бабуля сидела на креслице и лишь подсказывала: Налейте воды в кастрюлю. Почистите картошку и

порежьте кубиками. Морковь надо соломкой...Мы были рады стараться. Да и запах такой шел, что ого-го! То ли от ботвы, то ли от тушенки, и мы вновь проголодались. А вот деду, наша ботвинья явно не понравилась. – Что

за водоросли? – спросил он, ковыряясь в тарелке. Он поднял ложку вверх, а на нее намоталась зеленая лапша – джусай, а может и перо лука...Бабуля сразу сказала, что это готовили мы, и еще что-то про первый блин, и деду нечего не оставалось, как молча все съесть. Поздно вечером, когда стемнело, он попросил котлет. «А то ваша трава переварилась уже». И бабуля вновь принялась готовить.

Глава 5

Черный принц и частушки

1.

Летом бабуля с дедой на даче жили. В город они выезжали, чтобы забрать нас из города на выходные и вернуть. Однажды совместно с родителями с обеих сторон было принято решение – пожить и нам на даче. Сколько захотим. Каникулы ведь! И потекли будни. Мы купались, гуляли, играли в игры – а подготовились мы основательно, взяли с собой шашки, лото, монополию и кучу книг. Еще я взяла лизуна в банке. Дома мама категорически не разрешает его даже вынимать оттуда – мы с Юлей испортили одну стену в нашей комнате. Так кто же знал, что он оставляет за собой жирные пятна? Так весело этот липкий шарик в стену метать! Шлеп! – он размазался в лепешку, сполз немного вниз по стене, его отлепляешь, снова – шлеп! Бабуля на даче нам разрешает все. Но стены не оштукатурены и он быстро марается и перестает прилипать к поверхностям. Мы нашли с Вероникой выход – дверь холодильника, и липнет здорово и мыть просто.

Как-то нам доверили «в попечение» как выразилась бабуля кусты смородины.

Калированной. Будем ее попекать. Или опекасть? Тогда почему попечение, а не опечение? – задалась мы с Вероникой вопросами, после чего, вооружившись лопатой, тяпками и граблями пошли заниматься делом. Для начала мы выпололи сорняки вокруг, сделали поглубже лунки – теперь мы это умели. Разрыхлили, обложили лунки камнями. Получилось очень красиво. Наши пять кустов смородины заметно выделялись на фоне всего сада. У арбузов никакого изменения. Семена не проклюнулись. Деда говорит, что рано еще. Удовлетворенные этим объяснением мы пошли собирать клубнику.

Клубники на этой неделе назрело гораздо больше. Сорта нам нравятся разные и собираем мы в разные миски. Нике нравится «Черный принц» – темно-бордовые, очень сладкие ягоды. На мой вкус, так даже слишком сладкие. Но у них есть один плюс – они созревают почти все лето.

– А я знаю, почему ты любишь «Викторию», – говорит Ника, сидя на корточках возле грядки. – Потому что ты – Виктория!

– Логично! А ты, что-ли тогда Черный принц?

Смеемся.

– Принцесса! Черная!

Кстати, о черном. За то время, что мы провели на даче, мы и в самом деле сильно загорели, почти как сельские ребята стали, смуглые. Да и весь наш внешний вид переменялся. Если раньше мы ходили в майках с шортами и красивых платьях, то постепенно мы поняли, что длинная футболка заменяет все. Очень удобно. Теперь мы ходим в футболках, косынках и босиком. Обувь надеваем только когда идем к реке.

Мы быстро набрали полные чашки ягод.

– Щас, я научу тебя правильно клубнику есть. За мной! – говорит Ника и идет на кухню.

Промыв свои и мои ягоды, она достает из холодильника трехлитровую банку молока, и не спрашивая, заливает ягоды.

– Ааа! Что ты делаешь!?! – возмущаюсь я. – Вот взяла и все испортила.

– Это клубнично-молочный суп. А ты не ори, а попробуй.

– По-моему, это бяя.

– Пробуй.

Сверху своей порции она сыплет еще и полную ложку сахара.

Я в ужасе:

– А мой папа в таком случае говорит: Попа не слипнется?

– Не шлипнется, – с полным ртом отвечает она и продолжает уплетать свое незатейливое блюдо.

Я нерешительно пробую, и что удивительно, это розовое молоко с всплывающими ягодками клубники, действительно – вкуснятина. К тому же это весело, нажимаешь на ягодку ложкой, она идет на дно, отпускаешь – бултых и качается на глади молока.

– Это потому, что молоко – деревенское, а ягодки – дачные.

Мне в голову пришла частушка-нескладушка и я ее тут же спела:

Вместе с Никою на грядке

Мы сидим вдвоем с утра.

Пусть в корзинках наших пусто –

Каждый съел по полведра!

– О! А здорово так! Это вас в музыкалке учат?

– Нет, это мой особый талант на ходу сочинять. Мама меня дома Стихоплетом зовет.

– Ну-ка давай еще раз, я послушаю.

Я выпрямилась во весь рост и, стоя посреди клубничной грядки, исполнила на бис.

– И косынка как раз, кстати,– прищурившись, сказала Вероника. – Слушай, у меня идея есть.

2.

По Никиной идее мы готовим концерт для ее родителей. Они должны приехать в эти выходные. Это для нас всегда большой праздник, потому что они привозят новости от моих родителей и гостинцы. Будем их встречать их так, как они точно не ожидают. Мы поделились с бабулей своей затеей, и она решила нам помочь с костюмами. Оказывается, у нее в запасе есть целый тюк старых вещей – это настоящий клад! Чего там только нет – платья тети Киры, дедовы рубашки, Никины детские чепчики и ползунки, а еще шторы и тюли.

Зачем нам шторы и тюли? Мы и принцессы, и невесты. Хотя по нашему сценарию нам нужны костюмы бабушек для частушек, но оторваться от такого богатства просто невозможно! Из штор мы сделали себе платья и ходили так туда-сюда босиком по дачным дорожкам, веселя бабулю с дедом. Потом из старых белых простыней, тюли и белых роз соорудили друг другу подвенечные наряды. Тут уж бабуля и всплакнула:

– Вырастут наши девчонки, глазом не успеем моргнуть – замуж повыскакивают...

Вдоволь напрыгавшись, мы писали сценарий, готовили афишу и билеты.

Утомленные трудом и творчеством, мы пошли прогуляться. Если с утра в нас было много энтузиазма и сил, то сейчас мы еле волочили ноги по проселочной дороге.

И вдруг в десяти метрах от нашего дома мы увидели ежа. Он сидел в дорожной колее и видимо никуда не спешил. Стоило нам приблизиться, как он тут же свернулся в клубок.

– Смотри, какой хорошенький! – запричитала над ним Вероника. – Давай его на дачу отнесем!

Надо было придумать – как. Мы сняли свои косынки, сложили между собой и аккуратно закатали колючий шарик в гамак из косынок. Так и понесли вдвоем, держа за уголки носилки.

– Бабуля, смотри, что у нас! – она сидела в кресле на летней кухне.

Мы аккуратно положили свою поклажу у ног бабули.

– Ой, что это там? – заглянула она и ахнула.

– Красивый, да? – спросила Ника.

– Смотрите, баба Оля, он еще и фырчит!

Ежик так и оставался – клубком.

– Бабулечка, давай его оставим! Пока поживет лето с нами на даче. У нас же есть коробка из-под телевизора? А осенью мы его в город заберем.

Бабуля вздохнула:

– Девочки, а вот вы бы хотели жить в коробке из-под телевизора, если бы за ее пределами, совсем рядышком, была природа, степь, речка, все друзья и родственники?

– Нет... – ответили мы.

– Ну, вот и он не хочет. Он же не игрушка. Он дикий зверек, привыкший жить на воле.

– А почему он тогда не убежал от нас?

– Ежики вечером плохо видят, он вас и не приметил. Тем более он не думал, что кто-то ему может вред причинить.

– А мы не хотим ему вред причинять, – сказала я.

– Тогда несите его туда, где взяли.

Подняв ткань с ежиком, мы побрели обратно на то же место, стараясь не раскачивать. Как мы сами не подумали о том, что ему свобода нужна? Хотели его одомашнить. А вдруг и у него есть маленькие детки с молочными мягкими иголками, как у молодых елочек? Бабуля налила в маленькую миску молока, и дала нам с собой, приговаривая: Молочком-то они любят полакомиться.

Солнце садилось, и мы уселись на нашу лавочку у обрыва. Когда смотришь на солнце во время заката, глазам не больно, как днем, но если смотреть-смотреть, а потом закрыть, внутри глаза, под веком, еще долго будет перед тобой этот оранжевый апельсин.

Посмотришь на поле – и там тот же апельсин.

– А давай сюда будем каждый вечер приходиться?

– Давай. Будем.

Солнце медленно заползло за горизонт. Казалось, а вдруг, оно сейчас еще немного приподнимется и вновь спрячется.

– А давай утром тоже будем встречать рассвет? – предложила Ника.

– Давай. Только это очень рано. Встанешь ли ты?

– Я попробую. Разбуди меня завтра...

Становилось все темнее и темнее, от солнечного присутствия осталась лишь тоненькая еле приметная розовая линия. Деда включил фонарь над калиткой. Сразу же, откуда ни возьмись, появились комары и начали противно жужжать возле уха. Они будто сидели в засаде и только и ждали, когда солнце окончательно спрячется.

– Так хорошо. Вот бы так еще посидеть, – предложила я. Мне совсем не хотелось покидать наш наблюдательный пост.

– Хорошо, только нас сожрут комары. Заживо сожрут.

– А пошли, оденемся и снова придем сюда.

Мы вернулись в теплой одежде, с одеялами – прятаться от комаров, и с кружками, наполненными горячим какао – бабуля постаралась.

Было так тихо, тепло и радостно. На небе появились звезды.

– Вот и середина лета... – сказала я.

3.

К полудню воскресенья мы были в изнеможении от ожидания. Мы прождали наших гостей всю субботу и воскресное утро. Бегали на большую дорогу, смотрели в дедов военный бинокль и ждали, ждали, ждали. Бабуля напекла целый тазик пирожков. Пирожки у нее чудесные. Она делает тесто из пенок. Тех самых, молочных, что никто не любит. Она их собирает с кипяченого молока в баночку, а потом заводит тесто. Нас тоже научила.

Вдруг мы услышали мотор дяди Пашиной машины, ее было всегда слышно за версту. Еще бы, у него БМВ, а она так рычит!

Мы выбежали им навстречу, Чибя с лаем помчался с нами. Сразу все как-то на даче изменилось. В наш тихий дачный уклад и в привычный режим ворвались новые звуки и запахи. Дядя Паша тащил огромный полосатый арбуз. Он был просто невероятного размера, казалось вот-вот и тельняшка лопнет на нем от важности и он брызнет на нас сладким соком. Эх, будут ли у нас когда-нибудь арбузы? Хотя листики – резные, опушенные тоненькими волосками, появились, и стебель пополз по земле, извиваясь и стелясь. Мы строго следим за развитием наших саженцев. По несколько раз на дню. Бабуля

нам не разрешает часто поливать, говорит, загубим. Но мы рыхлим и удаляем даже самые ничтожные сорняки в округе, чтобы никто не мог и приблизиться к нашим росткам. Тетя Кира, намазав лицо соком клубники и превратившись в героиню фильмов ужасов, рассказывала нам, как там мои родители, передавала приветы и указания и сказала, что мама и папа очень-очень-преочень соскучились. А я-то как! Кстати, сегодня после концерта мы едем домой.

Концерт всем пришелся по вкусу. Родители расхохотались сразу же, как только увидели нас в роли бабусечек – в платках, длинных платьях и передниках. Мы напялили дедовы очки и свеклой сделали румяные щеки, а когда завели свои частушки, тетя Кира от хохота сползла под стол. Дедулю мы тоже уговорили помочь, он играл нам на гармошке.

В огороде, во саду ли

Вырастут арбузы.

То-то радость у бабули

А у нас – тем более.

Ииии...ух! – выводили мы, и махали платочками.

Мы и сеем, поливаем

Удаляем сорняки.

Все же встретите нас чаще

Вы, конечно, у реки.

Это был запоминающийся день. Не только для обитателей и гостей дачи, но и для всех соседей. Им тоже было слышно наше веселье – частушки под гармошку и раскаты хохота.

6 глава

Как мы опозорились

1.

Однажды мы обнаружили, что желтоватая земля не просто почва, а самая настоящая глина. Если мочишь водой, то она становится податливой – можно разминать и лепить. Это было удивительное открытие. Что тут началось! Внизу возле нашей лесенки мы устроили себе

мастерскую. Принесли тазик и два ведра воды. В тазу вымешивали глину и делали различные сувениры.

Первое, что сделала я, это была пепельница – черепаха. Почему пепельница? Я не знаю, хотелось сделать подарок для папы. Она получилась размером с большую сковородку, на такой мама картошку жарит, но я все равно считала ее пепельницей. Это был плоский круг с углублением внутри. С лапками и головой. Ника тоже сделала такую же, только поменьше. Потом мы сделали еще одну, и еще...Несколько дней мы лепили исключительно черепах. Здесь же под солнцем сушили. Слегка подсушенных, но еще мягких, мы тащили на фанере наверх и там раскладывали на дорожках по всему участку. Как-то Веронике пришла в голову идея раскрасить гуашью, смешанной с зубной пастой. Чтобы цвета были ярче. Ника ходила в художественную студию, и у нее был опыт обращения с красками. Наши черепахи получились просто загляденье. А как бабуля и дедуля хвалили нас за поделки! Несколько дней мы пропадали в своей мастерской, даже на озеро и речку не ходили. Поднимались только перекусить да проверить как там наши арбузы.

– Слушай, а давай мы из глины домик сделаем? – пришла как-то мне в голову идея.

– Давай? А крышу как будем делать?

– Крышу – не знаю, сложно. А давай тогда крепость? Чтобы была одна стена и все?

– Здорово, давай.

И тут мы размечтались. Сделаем из глины кирпичи, высушим их под солнцем и сложим из них крепость в человеческий рост. Работу было решено начать с того, что надо было принести больше чистой глины – возле реки была такая куча. Мы начали носить в ведре.

Носили, носили, замесили в тазике. Один неровный кирпич сделали, и вечер настал.

Наутро мы проснулись раньше обычного и, не позавтракав, помчались в свою мастерскую.

За день мы сделали еще несколько кирпичей. Еще день трудились мы на нашей стройке.

Итого у нас было пятнадцать кирпичей. Осталось дожидаться их высыхания.

Ночью был ливень. Он размыл все наши труды, превратив их в глиняные бугорки – вот что значит – все насмарку. Черепахи на участке тоже пострадали. Краска растеклась по земле разноцветными струйками, а сами поделки расплозились в бесформенные кучки. Мы обнялись и рыдали. Мастерская была закрыта.

2.

Дома я пробыла пять дней. Как я соскучилась по маме с папой и по своей кровати! Но в городе было жарко и скучно, и поэтому в ближайшие выходные мы вновь собирались на

дачу. В этот раз с нами захотела отправиться моя сестра Юля. Вообще-то она не очень любила вылазки на природу и дачные развлечения, но я с таким восхищением рассказывала про дачу, что ей стало интересно. Ее вполне устраивало, что я много времени провожу вне дома – наша общая комната была в ее полном распоряжении. Она старше меня на два года и многие наши с Никой увлечения ей не понятны. Например, она бы не стала с нами лепить из глины, да и работа в саду ее особо не привлекала. Бабуля была только «за» и вот мы уже втроем ехали на заднем сиденье машины «У» и мечтали о приключениях. Мы решили разведать – почему сельские мальчишки всегда купаются у высокой части обрыва, там, где стрижи? У нас с Никой были «вялотекущие сопли», не то, чтобы мы болели, но бабуля нам запретила купаться несколько дней, и нам было скучно. От нашего привычного участка реки до места мальчишек было метров триста. Дойдя, мы обнаружили, что река там гораздо глубже. Мы зашли по колено, а потом по шорты и поняли вот в чем секрет – видимо, у скалы еще глубже и можно полноценно нырять и плавать. Может это природное явление, может, мальчишки что-то там придумали и сделали заводь. Тогда мы решились на рискованный поступок – взять и проверить, покупаться. Купальников у нас не было. Мы сняли шорты, а потом, и майки, чтобы не намочить одежду и в трусиках побежали нырять. Оказалось, там глубина почти по грудь и можно нырять – течение не сносит, и брызгаться тоже можно. Нам так понравилось, что мы не заметили, как рядом оказались мальчишки из села. Они появились неожиданно, верхом на двух лошадях. Наши ровесники, может чуть старше. По брошенной на берегу одежде они сразу смекнули, что мы практически голышом и стали хихикать и дожидаться когда мы вылезем из воды.

– Ну, девчонки, в гости к нам пожаловали? – смеялся самый старший. – Мы вас не ждали!

– Как вам наша бухта? – поинтересовался второй, худой и белобрысый.

Мы были готовы сгореть от стыда. У нас покраснели бы щеки, если бы не было так холодно. А так мы скорее начали синеть, чем краснеть. Речка же горная, и больше чем по пять минут за раз, мы никогда не купались.

– Давайте, мы у них одежду заберем, – предложил третий. Это был смуглый черноволосый мальчик, мы его иногда на озере встречали.

– Нет, не будем. Мы лучше шоу посмотрим.

Помощи ждать было неоткуда. До бабули не докричатся, далеко. Сзади – скала, по речке ползком – но куда? Одежда-то все равно возле них.

Выхода другого не было. На «раз, два, три», мы, сговорившись с визгом выбежали из речки, и, прикрыв руками, что можно, побежали натягивать майки.

Мальчишки гоготали и улюлюкали.

Вот так мы опозорились.

И решили им отомстить, только пока не придумали как.

3.

На следующий день с утра мы стали разрабатывать план. У нас был всего один день на его осуществление, потому что вечером Юлю должны были отвезти в город, а нам вдвоем было страшно что-то затевать, мальчишки-то старше нас. Что бы такое придумать?

Для начала мы решили сходить на разведку в село и хотя бы узнать, как их зовут.

Где находится село, мы знали, с нашего обрыва его было даже видно, но дальше дороги, которая идет по самому краю обрыва, мы ни разу не ходили. Сказав бабуле, что на речку, мы отправились туда. Идти было примерно как до озера, недолго. Село было небольшое, улицы не асфальтированные, а посыпанные щебенкой. Домики в основном старые, низенькие и лишь на центральной улице стояло несколько красивых коттеджей. Возле одного дома стоял ослик и по дороге ходили гуси. Мы не сразу сориентировались куда идти и спросили у прохожего, где школа. Мы как-то слышали, что мальчишки обычно все время на школьном поле торчат. Повернув два раза за угол, мы оказались там. Удача была на нашей стороне. Мало того, что поле было огорожено небольшим заборчиком, перед которым были заросли кустов, и мы могли там укрыться, так и еще и все трое, те, кто нас интересовал, были там, среди толпы мальчишек.

– Сашок, давай пас! – кричал знакомый нам белобрысый мальчишка. Ребята толпой бегали по полю и гоняли мяч.

Пять минут нам было достаточно, чтобы узнать: Саша, Миша и Ерлан – вот наша цель.

Назад мы летели на всех парах, пока нас не хватились. Скоро обед.

Идея отмщения у нас родилась по дороге. После обеда мы набрали в таз глины и притащили на участок, сели в тени и пока на улице было самое пекло, лепили из глины.

Мы не просто лепили, а делали глиняных человечков. Кривоногих, толстопузых, косоглазых. Из соломы мы сделали волосы – понавтыкали реденько. Каждой из нас достался свой. Мне – Ерлан, Нике – Саша, Юле – Миша. Мы расстарались, так чтобы веселее и обиднее образы получились.

Как только все было готово, мы отнесли свои творения к реке, и поставив их рядышком камнями выложили имена и подписали «Джигиты». Обычно мальчишки приходят купаться, когда спадает жара.

Остались очень довольны собой.

Утром, пойдя собирать привычный клубничный урожай мы не обнаружили на грядках ни ягодки. Бабуля не досчиталась первых помидоров, перцев и баклажан. Зато на грядках были следы от башмаков. Явно не взрослые.

– Это сельские! Вот паразиты такие! – возмущалась бабуля. – Председателю нажалуюсь! Сами выращивать не хотят, в чужие огороды лезут!

Мы с Никой молчали. Хотя догадывались – и нам было и обидно, и стыдно. Оттого, что была в этом и наша вина. Может, мы перегнули палку с пузатыми глиняными человечками?

7 глава

Мы наказаны

День не задался с самого утра. Мало того, что мы остались без клубники и без настроения от того, что мальчишки сделали нам такой сюрприз, так еще пришла тетя Гуля-молочница и рассказала бабе Оле, что видела нас в селе. Такого поворота событий мы не ожидали. Нам казалось, что наш поход навсегда останется нашей маленькой тайной. Да не тут-то было. Бабуля, предварительно посоветовавшись с дедом, решила нас наказать. Без ругани и чтения морали. Отныне нам запрещено покидать дачу. Под запрет попадает купание на озере, речке и даже провод закатов на лавочке. За калитку – ни ногой. Мы знаем, что бабуля скоро оттаит, но как минимум день нам придется выстоять. Оказывается на даче и заняться -то нечем. Мы во все переиграли, в саду – идеальный порядок, готовить нас сегодня явно не допустят. Пришла идея осваивать доступную нам территорию вверх – иными словами мы решили забраться на чердак. Этого нам запрещать не стали, более того, деда сам помог нам туда забраться, потому что попасть можно было изнутри дома через люк по приставной лестнице. А она была довольно шаткая.

– Ой, мамочки, я разобьюсь! – пищала Ника.

– Это чего! Вот слезать труднее, – ворчал деда. – Если боишься, то не лезь. А коли лезешь, так молча, давай.

Ника лезла, куда деваться? Мне же было не страшно. У меня был опыт. Мне вспомнилось, как я лазала с двоюродным братом Лешей на чердак его дома каждое лето по нескольку раз в день. У лестницы даже некоторых ступенек не было. На Лешином чердаке было столько всего интересного – старинный велосипед, железная посуда и мешок с чебаками –

маленькая такая сушеная рыба. Брат ее сам ловил и здесь же и сушил – на проволоке.

Признаться, это было самое интересное место в доме двоюродного брата. Он живет в Усть-Каменогорске, но этим летом приедет к нам погостить.

Здесь на чердаке было светло и пусто. Солнечный свет беспрепятственно попадал как через временное покрытие, так и через боковые отверстия. Под ногами были балки и пыльный настил, а на нем опилки, стружки, камешки – стройка здесь еще не окончена.

– Деда здесь мне сделает свою комнату, – хвалилась Ника. – У меня будет детская. Хочу с обоями красивыми.

– Классно. На даче – и своя комната!

– Между прочим, может он успеет этим летом, и тогда будет не моя – а наша!

Это конечно здорово, вот только мне вспомнилось, как в первый приезд Ника ни за что не хотела делиться кроватью. Я промолчала. Меняется человек. Я тоже сильно за это время изменилась. Стала менее нежной. Раньше не могла ходить без обуви. Сама мысль о том, что ноги будут пыльными или что в стопу может что-то вонзиться ввергала меня в шок. Сейчас, наступив на верблюжью колючку, я даже и не остановлюсь. Кроме того, стала я менее брезгливой. Раньше мне нужны были стерильные условия – посуда, постельное белье, еда. Чтобы есть из одной розетки варенье? Ой, ужас! А теперь мы с Никой грызем по очереди одно яблоко, валяемся на траве и едим с грядки. Понос был пару раз. Зато моя аллергия куда-то делась. Чему я несказанно рада.

Чуть пошарившись по крыше, мы обнаружили коробку с книгами. Они были тонкие, детские и не очень интересные – блеклые какие-то. То ли такие изначально, то ли выцвели от времени. Но одна книжка нам понравилась. Называлась она «33 Егорки». В ней были поговорки, пословицы и скороговорки. Мы принялись скороговорить. Долго нас это завлекло – корабли лавировали, дрова лежали на траве, которая во дворе, Грека ехал через реку.

После мы взялись читать пословицы и поговорки. Вот уж где встретилась половина слов, которые бабуля говорит, а смысл мы лишь додумываем. Решено: надо спуститься вниз и проверить, какие бабуля знает из них. Нас ждало удивление и разочарование одновременно. Разочарование оттого что подловить бабулю невозможно – она знает каждую пословицу. Ну, и удивление, собственно, от того же. Как можно знать все до единой? Как?

– Раньше у нас не было столько информации как у вас. Телевидение, телефон и все прочее. Поэтому народ и примечал, и жил этим. И погоду мы про приметам предсказывали, и события жизни.

Нике не терпелось знать подробности:

– Как это, бабуля, использовали?

– Ну, вот например такая пословица. Бабушка надвое сказала: то ли будет, то ли нет, то ли дождик, то ли снег...

– Так она же ни о чем? Так дождик или чего?

– Она о том, что в погоде не загадаешь. Надо быть ко всему готовым...

– Ну, знаешь, бабуля, это как-то странно. А твои какие самые любимые?

– Мои – про учебу. Уж очень мне хотелось учиться. А я только семь классов закончила.

Война началась...

– Я тоже знаю, – вырвалось у меня. Ученье – свет. Неученье – тьма!

– Ага, хорошо. А вот еще, например. С грамотой вскачь, без грамоты хоть плачь. Вот мы и плакали, без школы. Пришлось нам всем на завод идти. Взрослым помогать. Так детство и кончилось.

Мы с Никой слушали бабулю внимательно. Нам всегда нравилось, когда она рассказывала про себя маленькую и про своих младших братьев и сестер.

– А еще бабуля знаешь какие?

– Ну вот еще две. Не на пользу читать, если только вершки хватать. Или такая. Веревка крепка навивкой, а человек знанием.

2.

Мы вновь полезли на чердак. Теперь без помощи деда. Я держала снизу лестницу, когда лезла Ника. Она держала сверху, когда лезла я.

Мне же все было интересно, почему бабуля так грустила по Верхней даче и отчего туда не ездили больше, и Ника рассказала эту историю. Оказывается той даче было много лет. Тетя Кира была совсем малышкой, когда ее купили. И деда стал обустривать ее. Участок был на крутом склоне и чтобы сделать ее пригодной для обитания, надо было соорудить террасы. Деда сделал одну широкую площадку и длинную, на которой потом поставили вагончик и далее до самого конца участка был огород. И несколько более узких террас, уходящих вниз. Это было далеко непросто, ведь он все делал один. Но он тогда был не дедом, а мужчиной в самом расцвете сил. И ему нравилось то, чем он занимался. Все террасы были засажены плодовыми деревьями и малиной. Так у бабули и деда, у единственных на этом склоне, росли персики и виноград! Дача получилась – загляденье.

Столько силы и труда в нее было вложено! Прошло много лет. Он все время что-то рыл и достраивал. Дача расцветала, и тетя Кира незаметно выросла. Вышла замуж, появились Ника. Деда продолжал вкладывать свои силы в участок, улучшая и укрепляя террасы, лесенки, усовершенствуя систему полива. Кстати, у всех соседей полив велся шлангом – куда дотянется. У деда была система труб по всей даче. Каждая труба имела ответвление, доходящее до каждого дерева. Поэтому все поливалось обильно и без применения особых усилий.

Потом деда решил расширяться. Так как вширь и в стороны было некуда, он решил – вглубь. Сразу за вагончиком был земной вал. Над ним, наверху – другой участок, соседский. Деда решил немного подкопать и сделать в горе погреб. Он вырыл некоторое углубление и начал его укреплять. Как-то на неделю отложил дедуля свою затею, и отправились они с бабулей в город. А тут сосед кинул сверху шланг на своем участке и уехал, забыв выключить. Половина его участка съехало вниз. Может и не половина, но значительная часть. Если бы не дедов погреб, такого обвала может и не было бы... Деда, расстроившись, решил не ездить пока на дачу. Может, он боялся соседа встретить, может, жалко было погреб и часть участка, заваленного оползнем. Но именно в этот год подвернулось предложение о Нижней даче. Приобрели. Так постепенно на нее и перебрались. Бабуля до сих пор страдает по той, родной. Да и деда, тоже. Но молчит. Он очень гордый.

8 глава

Гнездо птеродактиля

1.

Чердак превратился в одно из наших любимых мест на даче. Во время жары там было прохладно, во время дождя – тепло и уютно, капли дождя постукивали по крыше, а мы болтали, читали, играли в шашки. Постепенно мы притащили туда матрас, одеяла, подушки и стало там совсем здорово. Бабуля жаловалась, что не может к нам в гости прийти, а так хотелось бы. Ей никак по такой лестнице не забраться.

Однажды, вернувшись из города, мы обнаружили на нашем чердаке сюрприз. За верхней балкой, под самой крышей было найдено гнездо, а в нем яйца. Три штуки. Мы очень удивились и обрадовались.

– Ура! – диким криком закричала Ника. – У нас будут...кто?

– Тише, не кричи, – пыталась ее утихомирить я. Не знаю даже...Птицы, наверное.

– А если змеи? Они ведь тоже яйца кладут?

– Но они ведь гнезд не вьют...

– Я хочу яичко пальчиком потрогать... – Ника осторожно прикоснулась пальцем к ближайшему яйцу.

– Ну как?

– Ничего так. Теплое. Давай вытащим?

– Зачем? Пусть лежат на месте. Пойдем лучше бабуле расскажем.

– Пойдем!

Бабуля сказала, что видимо скоро нам ждать голубят. А еще спросила:

– Я, надеюсь, вы яйца не трогали?

– Ну, эээ, чуток... – созналась Ника.

– Не делайте так больше. Потому что мама может отказать от птенцов, почувствовав чужой запах. Теперь вам надо реже быть на чердаке, иначе она не станет высиживать.

Мы стали ходить на чердак раз в три дня. Яйца были на месте, а вот маму мы никогда не видели. Однажды, поднявшись, мы обнаружили птенцов. Они были такие смешные. Почти голые, сморщенные, лишь на голове несколько даже не перышек, а пушинок каких-то, было немного и вокруг шеи.

– Да это же грифы какие-то! – смеялись мы. Птеродактили!

Только раз во время посещения нас увидела их мама – голубь серого цвета. Мы осторожно спустились вниз, принесли ей зерна и оставили в миске. Через два дня наведались. Миска была пустой.

Вот какая у нас была радость. У нас теперь не просто чердак. А чердак с птеродактилями. Мы им имена дали. Гриша, Фрося и Федот. Маму прозвали Голубика. Птенцы подрастали, и постепенно у них стало больше пушка, они становились краше день ото дня.

На выходные мы уехали. Вернувшись, как ужаленные, мы бросились из машины к нашим арбузам и птеродактилям. Но проведав арбузы, которые уже были размером с теннисный мяч, мы наткнулись на чужого толстого кота, развалившегося прямо посередине дорожки. Он был подозрительно доволен и даже не приподнял голову при нашем появлении, а вокруг него – о! ужас! на земле валялись перья. Мне стало плохо. Ника побледнела. Мы наперегонки рванули к чердаку. По пути, чуть не свалив лестницу, кое-как наспех забравшись, мы узнали наверняка – этот жирный, ленивый кот сожрал наших

птеродактилей! И Гришу, И Фросю и Федота. А что с их мамой неизвестно. Мы обнялись, сели на пол и разрыдались. Горе наше было великим, а потеря невозполнимой.

2.

Прошла почти неделя с печального события, а настроения не было и дела как-то не клеились. Как в песне поется: Крокодил не ловится, не растет кокос. У нас же никак не рос арбуз. Не хотелось ходить ни на речку, ни на озеро, ни в огород. Мы предавались ничегонеделанию, но и оно было ужасным. Нас все чаще посещала мысль, что пришла пора закончить наши дачные каникулы. Именно в этот тягостно-грустный период мы с Вероникой рассорились. Да так, что я думала, навсегда. Нет, мы, конечно, и раньше дулись друг на друга, но это как-то очень быстро решалось и не запоминалось. Я пыталась по возможности уступать, постепенно и Ника тоже стала идти навстречу. В этот раз было все по-другому.

Началось все с игры в шашки. В обед хорошо выпались и сели играть. Играли, играли, но вот только я стала выигрывать. Раз. Два. Три. Ника обычно играла белыми. После третьего раза, она предложила поменяться, говорит – сегодня белые невезучие. Я согласилась поменяться. Но удача была на моей стороне. Раз. Другой. Я могла бы поддаться, но Ника очень хорошо играла и она бы сказу выкупила, и еще больше разозлилась. В общем, закончилось все тем, что она со психом перевернула шахматную доску и крикнула: – Ты! Ты – свинья! Соскочила с места и убежала.

Вот тебе раз. Я свинья... Я свинья? Я – не свинья!

Мне стало так обидно, что словами не описать. Комок подкатил к горлу, а слезы были где-то очень близко. Уже почувствовался их соленый привкус во рту. Еще немного и они найдут себе дорогу наружу.

Я вышла из дома и отправилась к обрыву. Думаю, пойду, погуляю, успокоюсь, и если честно, мне не только обидно было, но и видеть Нику не хотелось. Пусть сама побудет. И ведь дело-то не в игре, а в словах! Мне захотелось спуститься к реке, потом передумала и села внизу, на ступеньках, так что, если смотреть сверху, меня не видно.

«Свинья, свинья, свинья» ... – крутилось в моей голове и все-таки рыдания вырвались наружу. Вместе с ними были и всхлипы, и хлюпы, и нехватка дыхания. Это когда вроде можешь уже и остановиться, но не получается. Наревелась вволю. Даже трудно было

припомнить, когда в последний раз плакала, если не считать потерю голубей. Я не плаксивая так-то.

Моя мама обычно говорит, когда мы с Юлей ссоримся: «Никогда не оскорбляйте друг друга и не говорите обидных слов. Нельзя в порыве на человека сказать «дурак», ведь он и не «дурак» вовсе. Повод ссоры очень быстро забудется, а слово, которым обозвали, надолго у человека в голове засядет». Это правда, вот застряло у меня слово «свинья» и скребет и карябает. Хотя если разобраться, оно ко мне не имеет никакого отношения, ни к моим действиям. Мои родители между собой не ругаются. Бывают, поспорят. Чаще всего, когда кроссворд вместе гадают, и папа говорит: Да моя ты, хорошая... и начинает объяснять, почему мама не права. Она тоже всегда, очень уважительно к папе относится.

Вот сейчас бы взять, да и собрать свои вещи. Но я не могу подойти к деду и сказать:

– Везите меня домой. У него свои планы. Да и тем более, послезавтра мы все равно в город собирались. А вот не общаться с Вероникой полтора дня – я могу.

Тем временем уже вечерело. Я решила пора выбираться из убежища и возвращаться.

Бабуля будет волноваться, а ведь она ни при чем.

Так и было. Бабуля стояла возле калитки.

– Ой, ну слава Богу. Все в порядке с тобой!

– Да, а что со мной будет?

– Ну, мало ли? Кто вас современных детей знает. Чуть что не поделили... А то случись чего...

Видимо, Нике пришлось рассказать о нашей ссоре. Конечно, ведь она чем-то должна была объяснить мое отсутствие, а меня, оказывается, не было, около двух часов.

Бабуля обняла меня, и мы вместе пошли к крыльцу. Там сидела Ника. Она не смотрела на меня.

Бабуля села так, чтобы мы оказались по бокам от нее.

– Вот мы же с вами про пословицы недавно разговаривали? – начала она.

– Угу... – промычала я.

Ника упрямо молчала.

– Так вот, хочу вам еще несколько рассказать. Вот например, «Нет друга, так ищи, а нашел, так береги». Хорошая?

– Хорошая... – ответила я.

– А вот еще... Дружно не грустно, а если врозь, хоть брось. Вам как друг без друга? Вы же, как сестрички! Подумаешь, шашки не поделили. Бывает.

– Но дело ведь не в шашках! – воскликнула я. – А в том, что Ника обзывается!

– Как обзывается? Зачем? – удивилась бабуля и всплеснула руками.

Понятно. Ничего Ника и не рассказала!

Бабуля строго посмотрела ни внучку.

– Так?

– Так... – нехотя выдавила из себя Вероника.

– И как же ты обозвала Вику, что ее два часа не было?

– Свинья... – почти шепотом произнесла она.

Бабуля снова всплеснула руками:

– Да что же это такое! Внученька! С пеленок тебя воспитываю! Видимо плохая из меня бабушка, коли простым истинам не научила. Разве ж так можно?

– А что... а она... сама... – затараторила Ника.

– Она тебя никак не называла? – строго спросила бабуля.

– Нет.

– Вот и ты не смей! Клевета, что уголь, не обожжет, так замарает.

– Слово не воробей, вылетит – не поймаешь...

– Вот видишь, сама все знаешь, а делаешь! Проси прощения.

Ника попросила прощения, потом протянула мизинец для «мирись-мирись», но мне как-то не хотелось мириться. Грустно мне было. Но я мизинец свой дала.

Бабуля обняла нас крепко-крепко:

– Вы же мои девочки! Мои внученьки родные. Хочу, чтобы вы всегда вместе были, любили друг друга, понимали, поддерживали. Мои малышки-глупышки Ника и Вика! Я вас так люблю!

– И мы! – ответили хором.

– Бабуля... – добавила я.

С тех пор я стала называть бабу Олю – Бабуля. Только так.

9 глава

Мы едем на верхнюю дачу!

Неделю я провела дома с семьей. Вернее будет сказать, с сестрой, потому что мама и папа были утра и до вечера на работе. Летом в городе делать нечего. Это точно. Пару раз я вышла во двор. Многие ребята разъехались – кто в лагерь, кто к бабушке, кто на море. Остальные выходили гулять после пяти, до этого слишком жарко и уходили в семь, потому что начинался сериал, который смотрели поголовно все. С улицы как ветром сдувало и детей и пенсионеров. Да и деда с бабулей на даче, на своем крошечном черно-белом телевизоре, с изогнутой рыжей проволокой вместо антенны, тоже его смотрели. Ну и мы с Никой, тоже знали по именам всех героев, чего скрывать. Ох, и надоел он мне, этот сериал! Самая радостная новость за последнюю неделю – мы все вместе поедem на Верхнюю дачу. Пришло время собирать урожай и тетя Кира одна не справлялась. Она так и сказала своей маме и нашей бабуле по совместительству:

– Хватит в детский сад играть! Малина с вишней пропадают!

Мне так не терпелось побывать на Верхней даче, где по бабулиным рассказам малина была с большой дедов палец, а груши до зимних заморозков висели как лампочки и сколько их не собирай – собрать невозможно, как будто они заново вырастали за неделю. В пятницу вечером дома начались сборы. Мама достала большую белую кастрюлю – будут с папой мариновать шашлык. Как говорят все папины друзья, лучшего шашлыка и на свете не встретить. Хотя, если честно, папа лишь нарезает мясо ровными кубиками и режет лук кольцами, а остальное делает мама. Но это секрет нашей семьи. Они много готовят вместе и это особенно вкусно. Вот, например пирожки – мама лепит, папа жарит. Так всегда. А если папа единолично встает у плиты – то это шедевр, не меньше. Я не знаю, что он такое делает волшебное, но плов у него как в рекламе – рисинка к рисинке не пристает. Жареная картошка – огромными шпалами – но зажаренная до корочки сверху, а внутри – мягкая. А блинчики, красивые, как кружевная салфетка, вкусные, что даже до фаршировки не доживают. Так никто не умеет, честное слово.

– Мама, а Гита поедет?

– Конечно, это же природа! Побегает там!

– А ошейник брать?

– Да. И воды ей приготовь в дорогу, в бутылку налей.

Гита, наша собака, видимо и сама все поняла. Да-да, Гита – не в честь Зиты и Гиты – героинь индийского фильма, а в честь гитары – папина же собачка. Бегаёт, как заведенная, с утра, хвост так ходуном и ходит! Да и у меня такое же состояние.

В центре зала постепенно стала расти куча: папин горный рюкзак – с ним мы всегда ходим за грибами и ягодами, ведро – мы ведь едем собирать малину, вещи нам и родителям – рубашки, трико, панамки, бидон – для компота. И гитара! Ура! Гитара! Это значит, мы будем до вечера, и папа с дядей Пашей будут петь песни у костра.

Я проснулась на рассвете. Мама с папой уже жарили пирожки. Мне достался с пылу, с жару – на пробу. Через полчаса за нами приехали Никины родители и бабушка с дедушкой.

В машину с наклейкой «У» сели мои родители, а нас – Юлю, Нику и меня отправили к дяде Паше. Ехать по горному серпантину, а деда, хоть и знает дорогу как свои пять пальцев, водит слишком лихо – в горах это не приветствуется. С нами едут две собаки. Чиба и моя Гита. Чиба, конечно, поедет с дедом, а Гита – в нашей «детской» машине.

Это что-то это стук под крышей.

Это то, что никому не слышно.

Это время прихода луны

С тоооой стороны.

Чики-пибарум!

О-о-о!

О-е-о!

Поем мы во все горло, и тетя Кира поет с нами. Кассета Агутина заканчивается, мы просим ее перемотать, и заводим свой хор вновь. Пока доедем, дяде Паше предстоит выслушать эту запись под наше сопровождение почти три раза. Но он то меломан, он выдержит, тем более, поем мы неплохо – мы с Юлей ходим в музыкальную школу, а у Ники со слухом тоже все нормально.

Выехать из пригорода – минут двадцать, а остальное – петляющая дорога по горному ущелью. Слева и справа нависают горные склоны, какие-то покрыты разнотравьем, на других растут деревья и кустарники, есть склоны с обвалами – там только земля и камни. А внизу, справа от петляющей дороги, за бетонным ограждением и высоким обрывом течет горная река. Красиво всегда. Весной – когда цветут дикие яблони. Летом – когда обилие трав и цветов. Осенью, когда склоны как будто нарисованные кистью очень талантливого художника, который не пожалел красок – желтый, оранжевый, красный, бордовый, светло-зеленый, темно-зеленый, фиолетовый – столько оттенков, что хочется любоваться все время. Зимой – когда в горах царит настоящая зимняя сказка и кажется, что сейчас выйдет дед Мороз, стукнет посохом и нарядит все Тянь-Шаньские ели в мигающие гирлянды. Наш город Алматы славится своими горами. Горы видно с любой точки. Те, кто приезжают к

нам впервые удивляются – такая красотища, очень высокие горы, с шапками, покрытыми ледниками. Приезжие говорят, что если бы здесь жили, то каждые выходные выезжали бы гулять именно сюда. Ездим, конечно, но не каждые выходные. Мы ходим с классом в поход, с родителями – по грибы и почти у каждой третьей семьи есть дача в горах.

Сначала подъемы были затяжные, но не крутые, но чем ближе мы приближались к дачному массиву, тем извилистее и опаснее становилась дорога. Асфальт закончился. Мы остановились у небольшой развилки, набрать в бадьи родниковой воды. Никины родители сказали, что мы – на финишной прямой, но впереди самый трудный участок дороги. Мне показалось, что мы едем зигзагами – подъем, поворот, подъем, поворот. Дорога становилась все уже и уже, слева и справа находились дачные заборы. Можно было, прямо из окошка, при желании обрывать малину или трогать ромашки. Конечно, я этого не делала, но возможность была. Когда мы забрались практически на самую вершину горы, потому что другие горы казались совсем маленькими, дядя Паша торжественно объявил: Приехали!

– Мне показалось, что мы на самой вершине и дорога вот-вот оборвется! – сказала я.

– А так и есть, – ответил Никин папа. – Еще дач десять и дальше машине хода нет. Только пешком. Если идти минут пятнадцать, то попадешь на маленькое фермерское хозяйство, а дальше – природный заповедник. А там, говорят, водятся волки и медведи.

Ничего себе! Понятно теперь, почему «Верхняя» дача. Выше никуда.

Ворота, сделанные из оконных решеток, певуче скрипнули и, будто нехотя, впустили нас на территорию. Мы оказались на площадке, поросшей травой. Сверху, словно арка, нависали высокие деревья, создавая тень, солнце лишь проглядывало сквозь листву. А дальше – вниз вели ступеньки. Узенькие, может сантиметров сорок. Эта была лестница вниз, но чтобы спускаться, приходилось руками убирать кусты малины с дороги, которые норовили хлестнуть по лицу и оцарапать руки. Да! Ягоды были и в самом деле огромные и очень душистые. Стоит тронуть ветку, так они осыпаются на землю, жалко. Поэтому я сначала объедала, а потом двигалась ниже. С правой стороны был соседский забор, сквозь который тоже пробивались малиновые ветви, а с левой, сразу за малиной были деревья – вишни, до самого низу. На них были спелые ягоды. А что внизу – неизвестно, но очень интересно.

– Считай, – почему-то шепотом сказала мне Ника. – Их ровно тридцать три. Это деда смастерил.

Ступеньки поскрипывали под ногами. Из темного и узкого малинового тоннеля, мы оказались на ровной длинной, но довольно узкой площадке. На ней находился вагончик и площадка для мангала, а вдали – на всю длину был огород. Вернее раньше был огород. Сейчас это была просто поле, поросшее травой. Ниже этого места были террасы, шириной в три метра и очень длинные. На каждой росли деревья. На одной яблони, на другой абрикосы, на третьей груши. И как Ника рассказывала, среди деревьев стояли ванны. Попасть на террасы можно было с двух ходов. Один от вагончика – вниз вели длинная-предлинная лестница – с нее можно было оказаться в начале любой из террас. Второй – от огорода вел маленький лаз, его сразу и не видно. Надо было наклониться, раздвинуть кусты малины, нащупать ногой две ступеньки и, согнувшись в три погибели, пронырнуть под трубой для полива, которая проходила над головой, оказать сразу в середине третьей террасы. Но этим путем чаще пользовались лишь мы, а взрослые ходили в обход. Бабуле и дедуле этот ход был не по силам.

– О, когда-то я здесь скакала, – рассказывает моей маме бабуля. – Когда Ника маленькая была. Я ставила коляску на солнышко, а сама шла малину собирать. Услышу, как она кряхтит, раз – и я тут как тут. А она сидит в коляске и горами любитесь...

Мама внимательно слушает и ест абрикос.

У нас развлечение простое – мы хотим обойти все террасы и посмотреть что есть. С одной на другую кое-где можно и перелезть, но приходится друг друга подсаживать. В обувь забивается земля. Но так быстрее и интереснее. Еще мы считаем ванны.

Мама с тетей Кирой взяли ведра, и пошли собирать вишню и малину. Причем не просто ведра, а ведерки на веревочках – вешаешь себе на шею, и руки свободны. То еще изобретение! Папы разводят костер, готовят угли для шашлыка. Дедуля включил радио «Ретро» и на всю дачу звучит: Миллион, миллион алых роз... С других дач слышатся голоса, обрывки фраз и смех.

2.

К пяти часам было собрано три больших ведра вишни и два, поменьше, малины. Наша часть там тоже была, но ничтожно малая, потому что собирать ягоды оказалось крайне скучным занятием. Наши мамы и бабуля напротив, получали от этого удовольствие. Мы отправились помогать папам, но и там без мам – никак. Надо нанизывать шашлык, но вряд ли кто из детей решился бы нырнуть рукой в холодный белый маринад, выцепить оттуда кусочек мяса и нанизать его на палочку. Мы просто сидели и наблюдали, как моя мама это

ловко делает. Когда все кусочки на месте, мама отжимает, чтобы стек лишний маринад, и убирает свисающие колечки лука.

Через полчаса был готов знатный ужин, с шашлыком, вареной картошкой и салатами. Папа с дядей Пашей поиграли немного на гитаре и... все начали собираться. Это нас с Никой расстроило. Столько ехали, и уже – домой! Мы готовы были рыдать.

– Надо спуститься до наступления темноты. Опасно по горам ночью ездить, – сказал дядя Паша.

– Тем более, дедуле, – шепотом добавила тетя Кира.

– А деда с бабулей не могут остаться, а завтра поехать?

– Нет, ты же знаешь, что в вагончике одна, хоть и широкая, кровать. Как они будут спать?

А вы?

– Но на улице же есть кровать? Мы можем на улице!

Никины родители задумались.

А мой папа добавил:

– Я могу остаться. У меня завтра выходной. Я дособирую вишню. А то вон еще сколько! К обеду с девчонками спустимся.

– Это вариант! – сказал дядя Паша.

– Тогда я буду ночевать на улице, а девчонки – в вагончике.

Мой папа и в самом деле очень любит и знает наши горы. Еще он умеет различать лекарственные травы и растения. Если идти по прямой дороге, а не по серпантину, то за пятнадцать минут можно спуститься к источнику, а там автобус ходит до города. Нам эта идея понравилась. Мама была не против, а Юле уже не терпелось скорее домой. Мы дружно всех проводили. Папа поставил чайник, заварил чай с малиной, смородиновым листом и душицей, и мы просидели весь вечер под открытым небом с открытыми ртами, слушая папины рассказы про звезды и Вселенную.

Когда пришло время ложиться спать, мы решили все-таки ночевать на улице. Панцирная кровать стояла рядом с вагончиком, а перед ней стоял мангал. Ее использовали в качестве сиденья, положив сверху два матраса.

– А вам не страшно? – спросил папа.

– Нет, нас же двое!

– Подумайте хорошенько, ночью могут волки выть. Они, правда, далеко – в заповеднике, но может быть жутко.

– Нет, мы не боимся! – твердо сказала я.

– Ну, хорошо, смотрите сами. Я дверь в вагончик открытую оставлю, чуть что – будите!
Папа постелил нам простынь, дал два пуховых одеяла и две подушки. Мы укутались в них и лежали под звездным куполом, болтая и рассказывая друг другу мечты.

Из вагончика доносился мерный папин храп. Нас тоже потянуло в сон. Но как только я закрыла глаза, то мне послышался едва различимый шорох.

– Ты слышала? – я ткнула подружку в бок.

– Угу... – сонным голом ответила она.

– Что это?

– Не знаю. Спи.

Но я уже спать не могла. Стала прислушиваться. От ветра слегка шелестела листва, трещали сверчки. Где-то рядом, метрах в пяти, хрустнула ветка.

Ника открыла один глаз.

Вдалеке послышался вой.

– Слушай, но ведь не могут быть волки? – еле слышно прошептала она.

– Вроде нет, они так не спускаются низко, к людям...

– А может они голодные?

– Тем хуже для нас.

– Давай, дядю Юру разбудим?

– Давай еще послушаем, может нам кажется?

Но нам не казалось, что-то не или кто-то явно был рядом. Мы чувствовали это.

– А вот у меня в классе говорят, – еле высунув нос из-под одеял тихо продолжала Ника, – что по ночам выходят охотиться белые черти.

– Тьфу, на тебя! Какие еще черти!?

– Белые!

– А про деда Мороза или зубную фею у тебя в классе не говорят?

– Говорят! Ну, пока я их не видела...

Она прервалась на полуслове, потому что рядом кто-то...дышал!

Да-да! Дышал!

– Точно волк! – одними губами произнесла Ника.

Теперь мы даже до моего папы не решились бы пойти. Я боялась, боялась, но думаю, делать нечего, и приподнялась на локте. Таинственный кто-то тут же шмыгнул и скрылся с шорохом в кустах. Мое сердце бешено колотилось. Мы даже шептаться перестали – лежали и прислушивались. Не прошло и минуты, как снова стали слышаться приближающиеся

шаги. Ближе, ближе, еще ближе. Вдруг раздалось чавканье, я шевельнулась и опять неизвестный сбежал. Было и страшно, и страшно интересно. Но ночь темная, не видно ничегошеньки. Мы передумали будить моего папу – сами же сказали, что ничего не боимся, что теперь позориться? Просто лежали в обнимку и периодически приподнимались, отгоняя неизвестно кого. Сон как рукой сняло... и вот когда небо стало чуть светлеть, мы увидели, как что-то белое с хвостом мелькнуло в кустах.

– Вот! – чуть не закричала Ника. – Я же говорила – белый черт! Мамочки!

– Да ну тебя, не ори! Давай спящими притворимся и посмотрим, кто это...

Не двигаясь, мы провели минуты три, и перед кроватью показалась огромная белая собака.

Она ползла, почти по-пластунски, до кровати, шарила носом в траве и чавкала.

Оказывается, она подьедала остатки жилок и жира от шашлыка, которые кидали нашим собачкам! Ну, она была действительно большая, с обрезанными ушами. Увидев, что у меня открыты глаза, она тут же попятилась назад и убежала куда-то вниз по лесенке. Было слышно ее тяжелую поступь. Мы вздохнули и при первых солнечных лучах, наконец, заснули. Но ненадолго, потому что в семь часов утра все дачники включили радио, застучали топорами, пилами, ведрами, да и к тому же солнце пекло так, что спать было невозможно. Папа уже приготовил чай с травами и гречневую кашу с тушенкой.

Рассказывать нашу ночную историю мы ему не стали.

Глава 10

Здравствуйте, соседи!

После завтрака папа пошел собирать малину, а мы взяли плед и поднялись на верхнюю площадку, в тенек, под деревья, доспать. Но как только удобно расположились, то услышали надсадный звук мотора. Какой-то маленький, но очень настырный автомобиль пытался покорить гору. Через пять минут мы увидели, что приехали соседи – тот самый дядя Боря с женой, встречи с которыми, так старательно избегал деда.

Было слышно, как они разгружаются: стучала дверь машины, звенели ведра, шуршали пакеты. Через забор-рабицу, кое-что было видно, но из-за того, что кусты малины между участками были густые, не все.

– Слушай, а между прочим, дядя Боря – добрый. Я когда была маленькая, он меня всегда звал к себе на участок. Я там много раз была!

– Хорошо!

– А еще у него всегда в кармане были конфеты, комком, слипшиеся.

Он достанет весь комок и мне дает. Я по одной отковыривала. Обертки трудно снимать было. Ну таак вкусно! Таких конфет как у него больше нигде не ела!

– А может надо поздороваться?

– Так ведь он отсюда не услышит! Не будем же мы из-за кустов кричать?

– Ну да.

– Пойдем, сходим к ним?

– А он ругаться не будет?

– На меня? Вряд ли...

– А родители?

– Тоже... Наверное... Вот пойдем и скажем, что деда не специально сделал подкоп! А то бабуля так страдает из-за этой мокрой истории!

Ника развязала веревку на калитке и решительно пошла вперед. Я шла сзади – мне было неудобно идти к незнакомым людям, да и еще разбираться с этой непонятной ситуацией.

– Здравствуйте, дядя Боря и тетя Тамара! – громко из-за калитки крикнула Ника.

– Ой, внученька! – женщина открыла на ворота и обняла ее. – Как выросла. Давненько мы тебя не видели!

Тут же навстречу устремился и сосед.

– Совсем невестой стала. Небось, уже и в школу ходишь? – спросил он.

– Да, первый класс закончила.

– Ну, девочка, ну умница! А чего вы не приезжаете так долго? Совсем дачу забросили. Даже урожай не снимаете. Сердце кровью обливается, как у вас под снегом яблоки да груши висят!

– Да это... – замешкалась Ника. А потом так и выдала:

– Деда не ездит за-за того, что сад вам попортил.

– Как попортил? – рассмеялся дядя Боря.

– Ну, подкопал снизу и ваши груши уползли...

– Ну, уползли немного... Что же теперь. Я ведь сам шланг включенный оставил, оттого и уползли, что землю размыло... Эх, Витя, Витя! Вот дает!

– Значит, вы совсем-совсем не сердитесь?

– Нет, конечно, чего там. Дело-то житейское. Груши-то кривые, но плодоносят.

– Вот здорово! – закричала Ника и бросилась к нему на шею.

Он зарделся. А тетя Тамара рассмеялась.

– Давайте, проходите, малинки поедите...

– Нет, мы побежали, у нас теперь есть радостная новость! Вы не сердитесь! Не сердитесь!

Ура!

Тетя Тамара вручила нам по большому букету ромашек и, размахивая ими, мы, счастливые, помчались на нашу Верхнюю дачу.

Закончилась вся эта история неожиданно. Узнав, что сосед больше не сердится, бабуля облегченно вздохнула, а деда молча разулыбался. На вопрос тети Киры: Ну что теперь будете опять на верхнюю дачу ездить? Бабуля неожиданно для всех ответила: Нет, у нас теперь другая есть. Она и ближе и работы поменьше. Мы уже не можем, как олени скакать по террасам.

Вот это поворот! Никиным родителям было некогда возиться с дачей, да и не любили они это дело. Они предложили моему папе, если есть желание, присмотреть за дачей. У папы такое желание было. Так и у нашей семьи появилась дача. Но мы с Вероникой продолжали ездить на Нижнюю. Там ведь у нас арбузы! А они за это время наверно вымахали, размером с мяч!

Глава 11

Идем к соседке на обед

Баба Эльза – наша соседка. Ее дом, большой и красивый, совсем не похожий на дачу, стоит напротив нашего участка, через дорогу. Сегодня они болтали с бабулей по обыкновению, перевесившись наполовину через заборы, и делились рецептами засолки помидор. Вот мне интересно: почему бы не выйти на дорогу, или на одном из участков, не присесть? Нет, они могли часами общаться, переминаясь с ноги на ногу, не слыша половины слов, но каждый на своей даче. А мы копались рядышком, прореживали морковь. Бабуля нам показала, как выдергивать хилые, и оставлять нужные экземпляры.

– А мы крышу покрыли!

– А мы все никак. Витя уже и шифер купил, но говорят, на днях дождь будет.

– Да нет, не будет! А пионы все отцвели?

– Да, две недели назад. Мало было в этом году. Отдыхают. И яблони без завязей.

– А я новый рецепт яблочного пирога нашла.

Нам казалось, что этот диалог, как река, все время петляет, огибает камни, струится порогами, но никогда не кончится. Тетя Эльза и ее муж дядя Роберт были немцами-переселенцами. Во время эвакуации детьми они попали в Казахстан. Все родственники – их дети и племянники вернулись на историческую родину, а они не торопились. На участке у них был образцовый порядок. Ровенькие грядки, красивыми улитками свернутые шланги и даже перцы и те стояли как солдаты на построении. Казалось, даже клубника у них зреет строго по расписанию.

– А мы качели привезли! Забыла сказать. Внучки приедут в этом году погостить!

– Вот здорово! И нашим девчонкам компания!

– Да они как всегда, на недельку всего... А пусть твои девчонки к нам идут, на качелях покатаются.

Мы как по команде оторвали свои головы от морковной грядки. На Никином лице сияла улыбка, а я не верила – неужели пустят? У них такой образцовый порядок, что нам, наверно, переодеться надо в городскую одежду...

– Вот только я обед еще не приготовила. Им бы поесть сначала – переживала бабуля.

– Ничего, я их накормлю. У меня такая вкуснятина есть! Давайте к нам.

Мы все побросали, наскоро вымыли руки и помчались на всех парах к калитке.

Качели – это здорово. Но у них еще были щенки! Месячные щенки лабрадора! Такие милые, пушистые персикового цвета.

Мы накатались, погуляли по даче, повозились с щеночками и тетя Эльза снова отправила нас мыть руки, а затем усадила за стол с белой кружевной скатертью. На столе был пестрый летний салат, плетеная корзинка с хлебом и яблочный пирог...

– Сейчас и главное блюдо! Я только в подвал сбегаю, – сказала она.

В подвал? Мы сидели, не шелохнувшись, боясь притронуться к чему-либо.

– Та-дам! – пропела она и поставила на стол кастрюлю на подставке. – А вот и холодильник!

Ника пнула меня по ноге под столом. Я знаю: борщ она не ест. А это видимо был остывший свекольник. Тетя Эльза разлила нам по тарелкам. Я глянула в свою и обомлела – в ней плавали оранжевые блишки жира. Это был холодный суп!

– Утром приготовила. Боялась, что не остынет к обеду, как надо. А он ничего, успел.

Что делать? Обидеть соседку, сказав, что мы такое не едим? Или давиться холодным борщом, брррр... мы сидели и смотрели друг на друга, не притронувшись к еде. Тетя Эльза ушла в сад и вернулась с букетом бело-розовых пионов.

– Ну что же вы девчушки, так вяло едите?

- Тетя Эльза. Мы не можем есть холодный суп! – я решила взять оборону на себя. Будь что будет.
- Так это же холодник! Его так и едят, как окрошку! А мои девчонки любят...
- Простите нас, пожалуйста, мы не можем.
- Так что за проблема? Я мигом подогрею!
- А можно мне просто пирог поесть с чаем? – на одном дыхании выпалила Ника.
- И мне...

Глава 12

К нам приехал старший брат

1.

Пришла весточка от родителей: из Усть-Каменогорска едет мой двоюродный брат Леша. Мой горячо любимый брат! Я засобиралась домой. Ника расстроилась. А бабуля предложила: Пусть он тоже приедет к нам на дачу: Чего в городе, в пылище там торчать? Побегаете здесь, покупаетесь. Раз бабушка общая, то и брат будет общий – решили мы. На несколько дней вернулись в город, а потом дядя Паша привез нас обратно на дачу. Уже всех вместе. Леша старше меня аж на три года, он с нами точно в грядках вилками копать не будет. Надо придумать, что-то более интересное. Озеро! Вот наше решение. Озеро точно ему понравится! Не зря же мальчишки целыми днями там пропадают. С утра мы отправились на озеро. Пешком, впервые. С Лешей нас сразу отпустили. Он понравился бабуле. Леша парень деревенский – открытый, веселый и деловитый. У него светлые кудрявые волосы и голубые глаза. Если бы он не был моим братом, я бы в него точно влюбилась!

Мы накупались вдоволь, а по возвращению брат попросил у деда автомобильные камеры и насос. Что неудивительно, деда все это нашел. Чего только нет в подвале да на чердаке! Леша надул камеры, и на следующий день мы шли на озеро и тащили на себе эти черные резиновые плавательные круги. В этот раз мы шли не по большой дороге, а по пыльной, проселочной. Как Леша сказал: «Напрямки». Брат был весел и загадочен. У него с собой был пакет.

- Что это? – поинтересовалась я содержимым.
- Сюрприз! – хитро прищурившись, ответил он. – Будем делать медальоны!

– Чего-чего? Медальоны? – удивилась Ника.

– Да, только давайте отойдем подальше и разведем костер.

– Костер? – в один голос спросили мы.

– Ну, да костер. Будем плавить пластмассу, и делать медальоны.

– А это не опасно? – допрашивала я. Бабуля не будет ругать?

– Да что тут такого? Я каждый день пластмассу плавлю. Все нормально.

Мы остановились. За три минуты он развел небольшой костерок из палок, дощечек, картона и сухой травы. Достал из пакета кусочки пластика: цветные бутылки, пластиковые стаканчики. Он отламывал по кусочку, помещал в большую ложку, которую тоже прихватил с собой. Пластмасса таяла и превращалась в жидкую массу. Ее он аккуратно выливал на камень, и получались разные фигурки. Это было интересное занятие. Мы с Никой тоже по разу попробовали. Просто держишь ложку над огнем, а потом – льешь на камень.

– А я хочу сердечко! Сделаешь? – попросила я Лешу.

– Да я как-то не мастер сердец! Сама давай.

Я взяла ложку. Вдруг подул ветер, и наш костер неожиданно вспыхнул. Я дернула рукой и одна из брызг расплавленной пластмассы попала мне на руку. Я взвизгнула и затрясла кистью. Было невыносимо больно, до искр в глазах. Мотала из всех сил рукой, но легче не становилось.

Леша сказал так строго:

– Соберись, давай! Не хватало, чтобы еще рыдала тут. Тогда нас точно больше не пустят. Ничего. У меня, знаешь, сколько таких ран! Вот, например одна – и он показал какой-то маленький шрам на руке, явно не от ожога.

Я терпела. А у Вероники были такие страдальческие глаза, будто она обожглась, а не я.

Она вообще не выносила вид крови, ран.

Леша стал задувать костер, я хотела ему помочь, взяла другой рукой палку и постучала по кострищу.

Он меня остановил:

– Не надо, сам справлюсь.

Видимо Леша и сам расстроился из-за ожога, ведь он очень любил меня и не думал, что так произойдет. Я перестала, бросила палку на землю. Мы ждали, пока он все погасит. Когда собирались идти дальше, я зачем-то опять схватила свою палку, да так неудачно, что концом мазнула по майке. По моей белой красивой майке с собачкой! Сегодня точно не

мой день. То, что белая и новая – это полбеда, а вот то, что измазана в саже – плохо. Бабуля заметит, и что мы скажем? Я окончательно расстроилась, мало того, что рука болела, так еще и с майкой незадача. Но брат сказал: Не трусь, все решим.

И мне полегчало. Немного.

– О! Смотрите! – Леша резко остановился.

Перед нами в траве был огромный белый гриб. Будто кто-то мячик в траве бросил.

– Это гриб дождевик. Или пылевик, дымовик, табачный гриб, заячья картошка.

– Столько названий у одного обычного гриба? – воскликнула Ника.

– Ага! Только он не обычный. Мы его зовем гриб-пердун!

Мы захихикали.

– А то! Так разойдитесь подальше, – скомандовал он.

Мы разбежались на три метра в разные стороны. Он с разбега занес над ним ногу и тот как взорвется, оставив после себя большое пыльное облако. Нам понравился этот фокус с грибом. Через пять минут мы уже были на озере. Леша отдал мне свою майку, забрал мою, застирал сам. И повесил на камышах, сушиться.

Мы закинули свои камеры в воду. Вот это было здорово. Плаваешь, как хочешь – и по одному, и паровозиком, сцепив их между собой и можно было даже подныривать.

Накупавшись, мы побрели домой. Майка была сырая, ожог саднил, а в остальном все было здорово.

2.

Прошло всего два дня, как приехал к нам в гости мой брат. Они были очень насыщенными. К вечеру мы еле доползали до кроватей и сразу засыпали. Как говорила бабуля «без задних ног». Как будто у нас есть «передние»!

На третий день на озеро мы не пошли, а отправились на речку. Мы хотели показать Леше как можно купаться, но плескание по колено его не впечатлило. Завидев вдалеке мальчишек, он собрался пойти к ним. Мы его всячески отговаривали, рассказали про наш конфликт и намекнули, что они не очень-то дружелюбные. Однако его это не остановило: – Что я общего языка не найду? Ждите меня и я вернусь!

Сказал, вернется, а сам ушел надолго. Солнце поднялось высоко и стало припекать. Мы немного поплескались, погуляли и пошли на дачу – пусть ему без нас будет скучно. Но не тут-то было. Он прибежал, быстро смел две тарелки борща и вновь умчался, бросив на ходу: Я там с ребятами на качелях!

Вечером я надулась на него, ну, и Ника, за компанию. Как так – она к нам в гости приехал или к чужим пацанам?

Он рассмеялся, обнял нас и говорит:

– Не ворчите девчухи. Завтра пойдем вместе!

Вот уж чему не бывать! Как мы пойдем к нашим врагам? Мы еще помним про неудачное купание и украденный урожай клубники, а они наверняка не забыли про наших глиняных человечков. Чтобы убедить брата мы рассказали все, как было. Но он ухмыльнулся: Да они прикалывались просто! Скучно им было...А вы все всерьез. Городские, что скажешь...

После завтрака, надев купальники, а сверху платья, мы пошли с Лешей за поворот, где заканчивался обрыв. Там никогда не были. Это далеко от участка. Примерно как до озера, только в другую сторону. Мальчишек было человек шесть. Они толпились возле дерева, нависшего над рекой. Стоял визг, шум, гомон. Мы подошли поближе, и я увидела, что к дереву привязана веревка, а на ее нижнем конце – палка. Так вот про какие качели брат говорил!

Один из мальчиков схватил палку, разбежался, оттолкнулся ногами от земли и прыгнул. Веревка натянулась, он пробежал ногами немного по воду и спрыгнул. Видимо здесь было глубоко. По шейку – не меньше. Второй – забрался на палку, усевшись верхом.

Раскачивался, раскачивался, а потом плюхнулся в реку. Третий – раскачался очень сильно и, отпустившись, сделал в воздухе кувырок.

– Хочешь попробовать? – спросил меня брат, когда мы подошли к компании вплотную.

– Вот так? – спросила я, указывая на тех, кто уже был в воде.

– Хоть как, – засмеявшись, сказал брат.

Если честно, мне было неудобно снимать платье и оставаться в купальнике перед мальчишками. Хотя, если вспомнить, как состоялось наше знакомство...Нет, лучше не вспоминать. Если бы не было Леша, я бы в жизни здесь не оказалась. Но он был рядом, и я знала, что он меня защитит от любой насмешки или обидного слова. Я скинула платье и взялась двумя руками за палку. Брат немного меня подтолкнул, и я полетела над водой. Он раскачал еще немного. Мне так понравилось качаться! Прыгать было страшно. Руки с непривычки устали, да и ожог еще не зажил. Я зажмурилась и прыгнула в реку. Ника следом повторила мой рекорд. Так мы и прокатались на качелях почти весь день. На следующий день мальчишки позвали нас с Лешей на канатку. Кстати, они сделали вид, что между нами никаких проблем не было. Мы вместе смеялись и баловались, словно вместе выросли в одном дворе.

Бабуля с дедулей о наших приключениях и не догадывались. А узнай они, всем шеи бы намылили, и Леше в первую очередь, как старшему. Но мы молчали, как партизаны, и готовились на канатку. Канатка – это железный трос, протянутый от высоченного тополя и до колышка на земле. На трос надета железная трубка. Хватаешься на нее двумя руками, отталкиваешься от дерева и двадцать секунд спуска с искрами тебе обеспечено. Чтобы вернуть трубку наверх, нужно было взять веревку, привязанную внизу на тросе, и разбежавшись, загнать веревкой трубку наверх. Главное, не оставить веревку посреди дистанции – тогда она попадет в трубку и та тотчас затормозит.

Тогда тот, кто едет сверху резко дернется, руки у него сорвутся и он окажется на земле. Не самое безопасное развлечение.

Леше не терпелось испробовать аттракцион. Он парень смелый и ничего не боится. Встал в общую очередь, забрался на дерево и съехал. Я в его талантах и не сомневалась. Кроме того, он еще и спортом занимался. Мне тоже было интересно. Какая-то волна оживления внутри меня захватила, и мне не терпелось попробовать. Тополь же был очень высокий и расстояния между сучьями – широкими. Мальчишки подтягивались местами, а мне было – не забраться. Тогда Леша стал меня подсаживать. Медленно, тяжело, но мы добрались до стартовой площадки. Посмотрев с высоты, я ощутила страх. Внизу стояли крохотные человечки и махали нам руками. Ну, уж нет, решила я, и хотела было спускаться, но Леша сказал: назад пути нет.

– Я не поеду! Это же самоубийство!

– Да ладно, все же катаются. Хотя пацаны говорят, ты – первая девчонка здесь...

– И последняя... Я вниз. Помоги мне.

– Вик, не получится. Если я помогал тебя затаскивать, то спускать как? Сама подумай.

Он был прав. Спуститься вниз по дереву было невозможно.

Я стояла на площадке, смотрела вниз, и меня охватывал дикий ужас. Ладочки вспотели, а по телу пробежала дрожь. Я еще раз посмотрела вниз, ища пути для отхода.

Народ внизу улюлюкал и махал руками.

– Давай, – сказал брат. – Берись посередине, крепко держись за трубку. А я возьмусь по краям.

Я взялась. Набрала в легкие воздуха. И шагнула. Трос засвистел, и через несколько волнительных мгновений я была на земле. Был сильный удар ногами об землю и, отпустив трубку, пришлось несколько метров пробежать, чтобы сбросить скорость и остановиться.

– Ну, ты даешь! – сказала Ника. – Страшно, да?

Подожли мальчишки, все втроем. Саша от лица всей веселой компании сказал:

– Ты крутая. Никто из сельских девчонок не решался на такое.

Миша добавил:

– Мы-то думали, городские... Только астры выращивать умеете.

Я не то, чтобы гордилась своим поступком. Мне было не по себе, потому что я рассчитала свои возможности. Мне жутко хотелось домой, на дачу. Есть и спать.

Через пару дней мы узнали, что один мальчик на канатке сломал руку. Кто-то из ребят вовремя не закинул веревку, и она попала в трубку. Его скинуло с середины троса.

Взрослые пришли и срезали трос. С дерева убрали нижние сучья так, чтобы взобраться было невозможно.

Глава 13

Ленивая рыбалка

Сегодня намечается важное событие в нашей дачной жизни. Мы с дедом идем на рыбалку.

Он встал в 6 утра и готовит снасти.

– Бывалый рыбак... За всю жизнь и корюшки не поймал, – ворчит бабуля. – Лучше бы помидоры пособирали.

Она не особо верит в дедов рыболовецкий талант. Мы берем две удочки и садок и тащим все это в багажник. Купальники не надеваем, плавать все равно нельзя, всю рыбу распугаем. Смотрим, как деда копает землю и собирает в баночку червяков. Они розовые и влажные, не очень привлекательные, но нам их жалко. Рыбу тоже жалко. Деда Витя берет кусок хлеба, еще какой-то прикорм. Бабуля дает нам с собой пирожки, а мы ей говорим, пусть обед не готовит – будем рыбу жарить и уху варить.

Она качает головой и улыбается. Точно не верит в наше предприятие.

И вот он торжественный момент, деда закидывает удочку и...проходит полчаса. Никого движения. Мы сидели все втроем на берегу, не разговаривали, и как мне кажется, даже дышали вполсилы. Только стрекозы и лягушки нарушали тишину. Прошло еще полчаса.

Поплавок ни разу даже не вздрогнул. Мы с Никой пошли к дороге, поиграть в пыли, палочками порисовать. Дед гордо остался на посту. Ну, конечно, мы были расстроены! Не тем, что рыбы не поймали, а тем, что деда расстроился. Эх!

– Здорово, Виктор! – к нам навстречу шел председатель Николай Степанович.

– Здорово, Степаныч, – отозвался дед.

– Вижу улов-то у тебя не слишком...

– Да вот... Сам видишь... – развел руками дед.

– А на что ловишь?

– На червяка.

– Да... червяк нынче не тот, Виктор. Увертливый.

– Ну ладно, собирай свои вещи, сматывай удочки, хватай девчонок, покажу, как рыбу ловить надо.

Мы сели в нашу машину вместе с председателем и поехали вокруг озера, к нижней его части, там была большая труба, через которую по осени спускали озеро. Дальняя часть трубы уходила в речку. Труба была как бы под землей, только ее концы были видны, а над ней и проходила та самая проселочная дорога, по которой мы и приехали.

– Давай, Виктор, спустись к речке, возьми садок.

Дед, кряхтя, стал спускаться по крутой тропинке вниз. Мы в нетерпении томились позади.

– Спустился? – раздался сверху голос Степаныча. Мы его теперь и не видели из-за бугра.

– Угу... – промычал деда.

– Подставляй садок к краю трубы!

Едва успел деда его приладить, как из трубы стала вываливаться рыба. Большая, и так много! Она бешено трепыхалась, попадая в садок, вода вытекала через сетку. Секунд через двадцать тара была полна.

– Все-все! – закричал деда. – Полная! Хватит.

– Есть! – ответил председатель. Рыба, как по мановению волшебной палочки, перестала появляться, а вода как текла струей, так и продолжала.

Мы были впечатлены. Поднялись по тропинке, а на дороге стоял довольный Николай Степаныч.

– Ну как Виктор, теперь улов? По нраву карасики?

– А то! – сказал довольный дед.

– Так рыбачить – для ленивых. Но иногда, очень приятно, две минуты и жене ужин несешь. Теперь и ты знаешь мой секрет.

– Не совсем, я так и не понял, как ты... это проделал.

– А вот так, – Степаныч держал в руках тонкий кленовый прутик. – Я им вот так в трубе пошурудил – и на тебе и на уху, и на жареху! А рыба в трубе отсиживается – чего ей там

надо, не знаю. Да скоро уже вся рыба пойдет. Надо потихоньку к спуску озера готовиться. Осень на носу.

– Эх, спасибо, Николай Степаныч, – деда пожал руку председателя. Удружил ты мне с внучками, да и старушку свою удивлю...

Вернулись мы на дачу довольные, аж светились от счастья. Поставили перед бабулей садок со своей добычей.

Баба Оля всплеснула руками, да так и присела на край табуретки от неожиданности.

– Эка невидаль! Ничего себе улов! Как же вы так умудрились?

– Да так, – по договоренности ответили мы. – Деда – знатный рыбак. На него рыба сама плывет...

И не стали рассказывать про трубу, прутик и председателя.

– Ох, а что же теперь мне с ней делать? Чистить-то сколько!

– Не надо, бабуля! Не переживайте! – подсуетилась я. – Мы будем делать карасей в сметане. И пересказала рецепт от Степаныча. Надо помыть, выпотрошить, посолить, уложить в казан, залить сметанкой...и забыть в печке на пару часов. Обещал, ни одной косточки не останется. Получиться должна вкуснятина.

Правду сказал! Не то, что пальчики оближешь, мы чуть вместе с тарелками наш ужин не съели!

Дед еще неделю довольный ходил. Рыбалка – это дело важное, поняли мы. Мужское.

Глава 14

Время собирать урожай

Как много нового появилось в наших воображаемых копилках умений! Мы умеем варить ботвинью, лепить из глины, прореживать морковь, наблюдать за животными, красить забор, ловить рыбу, выращивать арбузы, плавать по-собачьи и лягушачьи.

Даже как-то жалко, что лето подходит к концу. Конечно, теперь есть, что написать в сочинении на тему: «Как я провела лето». Да и мне не хватит, пожалуй, и целой тетради, чтобы рассказать и часть того, что с нами приключилось. Через неделю начнутся занятия в школе и это наши последние выходные на даче. Надо помочь собрать весь урожай. Другие дачники до октября остаются, а у нас – школа. Поэтому есть два дня на все про все.

Первым делом мы, по бабулиной просьбе, отправились собирать ягоды. Всего осталось по чуть-чуть: литровая банка калированной смородины, полчашки малины, ведро клубники из второго урожая.

– Это на компот сгодится! – сказала бабуля.

Потом хитро улыбнулась и добавила:

– Хотя, лучше я сварю кое-что иное.

Она ушла в дом и вернулась с тазиком для варки варенья. Такого красивого и вкусного варенья никто не едал и не видал. Этакий микс из всего-всего. Мы нашли красивые баночки, отмыли их и наложили готового варенья. Наклеили этикетки, подписали – повезем мама наш урожай.

Потом мы собрали арбузы. Всего вызрело семь штук. А ведь никто не верил, что у нас выйдет что-нибудь стоящее! Один мы уже попробовали. Действительно, очень сладкий и сахарный, как и было написано на конвертике.

Бабуля срезала все цветы. Получился огромный большущий букет. Она разделила его на три. К себе домой, тете Кире и моей маме. Деда весь день собирал инструменты, многое уносил в машину, что-то в подвал, что-то на чердак.

Было суетно и немного грустно. Мне очень нравилось на даче, но уже и в школу тоже хотелось. Это место стало таким родным, а бабуля с дедом – точно всегда были в моей жизни. Ну и Ника, естественно...

Когда последние приготовления к отбытию были закончены, мы сначала «присели на дорожку», а потом уселись в нашу любимую красную машину с наклейкой «У» на заднем стекле и покатали домой, увозя с дачи не только последний урожай, но и новые знания, умения, впечатления.

По возвращению с дачи нас ждало одно радостное известие. К началу следующего сезона у Ники появится братик или сестренка. Это означало, что будет маленькая ляля, и бабуля будет возиться не с нами, а с ней. Следующим летом мы будем гордо гулять вокруг дома с коляской, и играть с малышом в погремушки. Но это уже другая история. А на этот год дачный сезон торжественно объявляется закрытым.

Послесловие

Если ты читаешь эти строки, значит, ты прочел повесть до конца и возможно, тебе интересна дальнейшая судьба ее героев. Или ты открыл книгу с конца? Тогда, прочитав

послесловие, можно начать читать историю про двух девочек и их самое лучшее лето детства. Лето, за которое они многому научились – плавать, готовить, ухаживать за растениями и не бояться животных, а еще дружить, мириться с чужими недостатками и работать над своими, и понимать и чувствовать, что такое совесть. Сейчас они взрослые. Вика это я. Мне 32 года, я пишу книги для детей и занимаюсь астрологией. Я до сих пор готовлю ботвинью, ем клубнику исключительно с молоком и люблю ежей, ужей и фазанов, но исключительно на расстоянии, в живой природе, а не в зоопарке. У меня двое сыновей, которые тоже любят проводить время на даче со своей бабушкой, но уже на другой даче. Нижнюю дачу продали, потому что дедуле с бабулей стало тяжело до нее добираться. На Верхнюю мы ездим иногда отдохнуть. Теперь и я, со своей семьей. Ника уехала учиться в Москву, она приезжала на каникулы домой и всегда забегала ко мне, а потом...что-то произошло. Что? Я до сих пор не знаю. Вот уже лет пять не знаю. Я общаюсь с ее родителями, хожу к бабуле и дедуле, и она не знает лишь по их рассказам. Возможно, кто-нибудь даст ей однажды эту книжку, она причитает, позвонит и расскажет – чего она дуется. Так ведь и лопнуть можно!

